

— Только для того, чтобы показать, что я настоящий викинг и беру все, никого не спрашивая. — Хедин потянул девушку к себе.

— Посмотри мне в глаза! — крикнула она.

Хедин посмотрел на нее, словно разъяренный бык.

— Что с тобой случилось? — спросила Хильд. — Ты словно во сне. Кто вбил тебе в голову эти мысли?

— Королева красоты, — тихо ответил он. — Она сидела в лесу... — Его голос оборвался.

— Я пойду с тобой, — мягко произнесла Хильд, — но умоляю тебя, отгони прочь от себя это колдовство, иначе оно породит зло. Потом я примирю тебя с моим отцом, но сейчас позволь мне попрощаться с матерью.

Хедин рассмеялся.

— С матерью! — произнес он и поднял свой окровавленный меч.

— Где она? — с тревогой спросила девушка, побледнев, словно лен, который она скручивала.

— На песке возле огромного корабля, — беззаботно ответил Хедин.

Хильд отпрянула от него. У нее перехватило дыхание.

— Теперь я точно знаю, что ты заколдован, — сказала она наконец, — и поэтому не виню тебя. Но знай, что страшная месть ждет тебя за это убийство.

— Я ничего не боюсь! — крикнул Хедин.

Он отвез свой трофей на корабль, и его люди взошли на палубу вслед за ним, нагруженные награбленными драгоценностями, золотом и серебром. Хёгни привез свое богатство из многочисленных походов, а теперь Хедин ограбил его.

— Загрузите корабль и отчаливайте, — приказал он. — Женщины и дети разбежались, но они долго не найдут помощи. И можете отдыхать здесь до утра, а я пока съезжу в лес. Там у меня дело.

Цветочная поляна была очень бледной в лунном свете, но та, которая сидела в ее центре, светилась, как живая звезда. Ее волосы горели, словно факел, а каменья на крышке ее рога блистали странным красным огнем.

— На твоём мече крови! — с триумфом крикнула женщина. — Чья она?

— Королевы.

— Хорошо. — Она улыбнулась, глядя Хедину в глаза. — Сядь и выпей, чтобы я смогла сказать тебе, что делать дальше.

На этот раз напиток оказался сладким. Кровь ударила Хедину в голову, когда он хотел в ответ улыбнуться женщине. Она молчала и смотрела на него. Голова Хедина опускалась все ниже и ниже, пока совсем не легла ей на колени. Казалось, он уснул, но его глаза оставались открытыми, и он по-прежнему видел женщину.

Она осторожно приподняла голову Хедина, взяла его меч и замахнулась. Луна светила за ее спиной. Теперь женщина казалась огромной и черной, словно тень. Черными казались и пятна на мече.

— Сила любви может усохнуть, — мягко произнесла она, — но я наложу заклятие неумирающей ненависти. Кровью на твоём мече я подчиню тебя и твоих воинов моей власти. Плыви на север к маленькому острову, вокруг которого над морем низко висит туман. Там ты встретишь судьбу, которую приготовили для тебя Норны, и мое заклятие будет держать тебя в рабстве до тех пор, пока не разделятся твои душа и тело.

Хедин проснулся с первыми лучами утреннего света. Ужасная тяжесть была на его сердце. Сначала он никак не мог понять, откуда она, потом события вчерашнего

дня встали перед его глазами: пленение Хильд, ограбление сокровищниц Хёгни, убийство королевы. Ужасное возвращение он приготовил своему другу. Мысль о стремительном бегстве от мести Хёгни пришла ему в голову. Он приказал своим людям занять места за веслами, грести изо всех сил и плыть на север.

В тот самый день, когда Хедин отправился в плавание, Хёгни вернулся домой и увидел страшную картину. Его корабль был украден, дом ограблен и сожжен, дочь увезена, а труп жены лежал на берегу. В один день он потерял все, что ценил и берег.

Хёгни был отличным другом, но страшным врагом. Ни слова не говоря он собрал свои корабли и людей. На следующее утро Хёгни отправился в погоню и к ночи причалил к берегу в бухте, где вчера останавливались его враги. Воины завернулись в свои плащи и легли спать, но король всю ночь просидел среди песчаных дюн, поглаживая меч. На следующее утро его когда-то светлое лицо посерело и осунулось, но никто не посмел сказать ему об этом. Они отчалили от берега, поставили паруса и гребли весь день, но не догнали Хедина. К вечеру корабли Хёгни причалили в том месте, где до него останавливался враг.

Так продолжалось много дней. Корабли удалялись на север.

Хедин каждую ночь ложился с Хильд, но не засыпал ни на минуту. Казалось, у него не было других мыслей, кроме бегства на север, словно он хотел добраться до края света.

Наконец пришел день, когда задули встречные ветры, и, несмотря на все усилия, люди Хедина не смогли продвинуться дальше. Корабль плыл вдоль скалистого берега мимо полуостровов и островов. Потом местность изменилась. Иногда люди вообще не видели берега.

Хедин все время вглядывался в даль. Однажды в полдень показались паруса преследователей.

Берег скрывал туман, и только голый остров едва виднелся впереди. Он казался скалистым, но надежда на бухту была. И действительно, вскоре люди Хедина ее увидели.

— Гребите туда, — приказал Хедин. — Мы больше не можем бороться.

Корабль причалил к берегу. Паруса преследователей были уже так близко, что на палубе можно было различить людей.

— Они обойдут остров, — сказал один из воинов Хедина, — и могут найти другую бухту. Может, нам выставить часовых, пока совсем не стемнело?

— Пусть высаживаются, — тихо ответил Хедин. — Эта погоня должна когда-нибудь закончиться. Увидев эту бухту, я сразу понял, что мы с Хёгни встретимся здесь. Отдыхайте. Я буду стоять на часах. Завтра нам предстоит бой.

Когда на землю спустилась темнота, люди завернулись в плащи и легли. Густой туман покрыл их. Хедин сел у скалы. Хильд опустилась рядом и оперлась о его плечо.

— Позволь мне завтра пойти к отцу, — тихо проговорила она. — Хватит войн. Дай мне предложить ему вернуть твою добычу и сокровища. Ради меня он должен отказаться от мести, поскольку ни твоя, ни его смерть не вернут мою мать. Я скажу, что лесная женщина заколдовала тебя и теперь ты сделаешь все, чтобы искупить свою вину.

— Иди, если хочешь, — ответил Хедин, — но я скажу тебе, что час мести близок. В центре острова есть маленькая долина. Она станет полем битвы. На склоне стоит рощица, где ты будешь сидеть и наблюдать за

нашей схваткой. Я еще не знаю, чем она закончится, но на моем сердце лежит огромная тяжесть.

— Ты знаешь этот остров? — удивленно спросила Хильд.

— Я видел его однажды во сне, — ответил Хедин и умолк. Они с Хильд сидели в темноте.

Поднялся небольшой ветер, и наступило серое утро. Когда туман стал рассеиваться, Хильд встала, чтобы пойти к своему отцу. Ветер стонал в рощице, которую Хедин описывал ей, и шевелил траву в долине. Ее пучки оставались коричневыми и мертвыми, хотя наступила ранняя весна. В небе хрипло кричали чайки. Волны бились о скалы.

— Я хорошо знаю это место, — с удивлением сказала себе Хильд и содрогнулась. Тем не менее она прошла долину и нашла другой берег, где были причалены корабли ее отца. Люди еще спали, но Хёгни сидел у скалы, положив меч на колени. Несмотря на все просьбы дочери, он остался твердым как камень.

— Я обращался с ним как со своим сыном, — сказал Хёгни, — и он должен был принять мое королевство. Все мои богатства могли стать его, а он меня ограбил.

— Разве его смерть вернет мать? — крикнула Хильд. — Его заколдовали, но теперь он свободен и сожалеет о содеянном.

— Какая польза мне от его раскаяния? — спросил Хёгни. — Никакое раскаяние не может оправдать его. Только моя месть искупит то зло, что он совершил.

Земля в маленькой рощице была усыпана мягкими сосновыми иголками. В тот день Хильд села на возвышенность и стала наблюдать за схваткой. Мужчины бились весь день. Звон оружия, яростные крики, стоны умирающих эхом отражались от низких туч. Каждая капля крови пугала принцессу. В своем страхе она не

была ни на чьей стороне и только смотрела не отводя глаз на падающих под ударами людей. Ее дыхание всякий раз перехватывало, когда погибал кто-то из родственников или друзей.

Хёгни носился по полю битвы в поисках Хедина. Много раз они встречались, и к концу дня оба были покрыты кровью, но ряды сражающихся всякий раз разделяли их до того, как кто-то успевал нанести решающий удар.

Наконец солнце опустилось. Только маленькая группа оставшихся в живых в поту и крови сражалась. Хильд крикнула, чтобы люди прекратили битву, но уши бойцов были оглушены звоном мечей, а глаза обезумели от вида крови. В последний раз Хёгни и Хедин встретились в центре поля сражения. Страшный крик сорвался с губ оскорбленного отца, когда он замахнулся, чтобы нанести смертельный удар. Ловкий, как кошка, Хедин бросился вперед и нанес укол лезвием меча. Удар Хёгни расколол его шлем. Лезвие разрубило голову до самых плеч, но меч Хедина пронзил кольчугу противника и прошел насквозь. Солнце село, когда Хильд выбежала на поле битвы, на котором уже не осталось ни одного воина, который стоял бы на ногах.

Принцесса пошла к ручью. Всю ночь она носила воду и смывала кровь с мертвых, перевязывала умирающих. Каждая рана залечивалась и исчезала, словно ее и не было, когда она прикасалась к ней, но воины продолжали биться в агонии. Мертвые отец и муж Хильд все еще смотрели в небо остановившимися глазами.

Наконец наступил серый рассвет. Солнце осветило поверженных воинов и коричневую траву, и вдруг все зашевелилось. Поднимались живые и мертвые. Жаждающий битвы Хедин вскочил на ноги, Хёгни поднял свой огромный сверкающий меч. Хильд в отчаянии закрича-

ла на них, но ветер отнес ее слова прочь. Принцесса вернулась на свое место под соснами и весь день смотрела и плакала, пока мужчины орошали землю своей кровью.

Наступила ночь. Хёгни и Хедин снова поразили друг друга. Хильд всю ночь омывала их раны, а наутро они снова вступили в бой.

Шли годы. Сменялись поколения. Днем остров скрывал туман, и никто не осмеливался пристать к нему. Говорили, что его населяют странные обитатели. Крики чаек, летающих вдоль побережья этого острова, похожи были на стоны умирающих людей. Никто не мог сказать с уверенностью, слышал ли он гул прибоя или отдаленный шум битвы. Вечерами туман поднимался, и застигнутые темнотой моряки бросали якорь вдали от берега, на котором давно исчезли останки сгнивших судов. Часто на берегу оставляли часовых, но всегда тот, кто оставался ночью один, к утру исчезал. Причалить здесь осмеливался только корабль, оказавшийся совсем в бедственном положении.

Прошло сто лет, и призраки Хёгни и Хедина были забыты. Пришли времена короля Олафа, который принес христианскую веру в северные земли. Однажды его корабли встали на якоря около того острова. Король выставил часового по имени Ивар, который взял меч, надел доспехи и поднялся на утес.

Была тихая, темная ночь, поскольку месяц еще только родился. Ивар заметил какое-то движение и схватил свой меч, хотя думал, что это была всего лишь овца. Но через некоторое время странная фигура приблизилась, и он увидел юношу, окровавленного, одетого в древние доспехи.

— Спаси нас! — сказал незнакомец Ивару жалобным голосом. — Я думаю, ты крещеный человек.

— Да, я христианин, — ответил Ивар, — потому что служу королю Олафу. Кто ты и как я спасу тебя? Это ты убивал часовых, которых время от времени оставляли здесь?

— Нет, это предводитель ютов Хёгни, — ответил воин. — Он сошел с ума от жажды войны. Я — Хедин, укравший его дочь. И вот уже сто сорок три года мы воюем за нее. Каждую ночь мы умираем, а Хильд, наблюдающая за нашей битвой, лечит нас. Когда мои раны затягиваются, я лежу в лунном свете или хожу по острову и вижу много вещей, скрытых от живых людей, потому что я мертв уже больше ста лет. Только христианин может освободить наши души от тел и спасти от заклятия, наложенного на нас богами севера.

— Я с радостью освобожу вас, — сказал Ивар. — Но я не волшебник.

— Пойдем со мной на битву, которая начнется с восходом солнца. Каждый пораженный тобой человек останется мертвым навсегда. Запомни только одно: поразить Хёгни ты должен со спины. Его глаза столь ужасны, что ни один смертный не может взглянуть в них. Порази его в спину, а потом убей и меня.

Так сказал Хедин и привел Ивара на поле битвы. Теперь, когда солнце встало, призраки с криками бросились в бой. Ивар смотрел на них и видел, как темно-волосая Хильд плакала и заламывала руки в сосновой рощице. Затем он достал свой меч и вступил в битву. Ивар был отличным воином, но в тот день ему понадобились все его силы, поскольку воины бросались на него и друг на друга с неимоверной яростью. В конце концов они обессилели, и Ивар поразил их. Осталась только одинокая фигура Хёгни. Ивар не смел приблизиться к

нему, пока не увидел, что снова встретился в тумане с Хедином. Пока враги сражались, Ивар поразил Хёгни в спину. Тот упал. Его латы зазвенели. Хедин опустил свой меч. Ивар бросился к нему и почти снес голову с его плеч. Битва закончилась.

Ивар убрал свой окровавленный меч и повернулся к сосновой роще, ища взглядом Хильд, но, когда он подошел, принцесса исчезла. Тогда Ивар вернулся на поле битвы, но оно опустело. Осталась только груда ржавых доспехов, поросших травой. Он посмотрел на свой меч. Кровь на нем была еще свежей, и с одним этим свидетелем Ивар отправился к кораблям короля Олафа, чтобы рассказать свою историю.

ПЕСНЬ О БЕОВУЛЬФЕ

Земли короля данов Хротгара лежали на краю бесплодной местности, где среди обдуваемых ветром горных гребней эхом носились волчий вой, вой ветра и шум прибоя. Не многие жили в этой отдаленной стране. Здесь обитали только охотники и пастухи. Иногда заглядывали искатели приключений, многие из которых никогда не возвращались назад. Здесь жил чудовищный Грендель. Он охотился на зверей и людей. Немногие видели, как он проходит в лунном свете с плетущейся за ним по пятам старой ведьмой. Они рассказывали о его огромной, неповоротливой фигуре, пальцах с железными когтями и выпученных глазах.

Золотым солнцем на прибрежной равнине сиял дворец Хротгара. Его высокая крыша для многих служила маяком в бухте. К дверям вела дорога, вымощенная разноцветными камнями. Золото блестело на длинных столах и висевших на стенах щитах. В очаге горел целый

ствол дерева. Дым от него поднимался вверх, к отверстию в крыше, мимо ярко раскрашенных, но уже закопченных балок. Повсюду стояли приготовленные для пиров огромные бочки с элем. Зажигали факелы, и сама королева подносила рога с напитком знатным особам. В зале раздавались крики, смех, или же в тишине скальд пел о каком-нибудь герое, таком, как Вёльсунг Сигмунд, получившем от Одина меч в подарок.

Однажды вечером Грендель стоял на небольшом холме у подножия гор, смотрел на огни в долине и прислушивался к отдаленным звукам королевского пира. Яростная ненависть отразилась в горящих глазах чудовища. Он ждал, когда шум стихнет и погаснут огни. Тогда Грендель пробрался бы по пастбищам, вспаханым полям, мимо лавок к вымощенной дороге и ударил бы своим могучим плечом в окованную металлом дверь дворца. Он выбил бы ее и напал на спящих, как дикий медведь, как часто делал раньше. Грендель в нетерпении переминался с ноги на ногу. Луны на небе не было.

Пир во дворце Хротгара в тот вечер продолжался долго, поскольку к королю приехали гости из Швеции. Беовульф, предводитель гаутов, поклялся уничтожить ужасное чудовище, которое каждый вечер норовило разрушить дворец Хротгара. Его корабль в тот день причалил в гавани, и сейчас Беовульф сидел на почетном месте, и сама королева поднесла ему рог с элем.

— Добро пожаловать, отважный гость, — сказала она. — Великое дело ты намереваешься сделать. Никто из наших мужчин не может победить чудовище, которое преследует нас так, что смерть спит в нашем дворце.

— Ни один меч не может поразить Гренделя, — согласился Хротгар. — Ни одни доспехи не защитят от его

железных когтей. Он намного выше любого человека и сильнее троих. В Дании нет героя, который избавил бы нас от этого страшного демона.

Когда Беовульф поднял рог, свет блеснул на его кольчуге. Он запрокинул свою рыжую голову, выпил, затем положил рог и улыбнулся хозяину:

— Если оружие мне не поможет, я одолею это чудовище голыми руками или погибну.

Старый Хротгар посмотрел на крепкого молодого человека, удивляясь его отваге, и сказал:

— Многие клялись за элем, что убьют Гренделя. Наша земля полита их кровью, а сейчас мне кажется, что в Дании нет героев, равных им. Я стар и повидал много битв на своем веку и не отговариваю тебя, потому что считаю одним из самых сильных людей, которых когда-либо встречал.

Король Хротгар выпил за своего гостя, и его люди стали биться об заклад с подданными Беовульфа. Красный огонь плясал, отражаясь в шлемах, на лицах воинов и на рядах щитов, висевших у дверей, на длинных копьях. Слуги поднесли к столам свежий эль. Разговоры и смех не утихали. Было уже очень поздно, когда король утомился и наконец поднялся.

— Пожелаю вам спокойной ночи, гости, — сказал он. — Я уже стар, но мне служат великие воины. Даю слово, что никто не будет охранять мой дворец, кроме них.

Беовульф снял меч и доспехи. И без них его спина и руки выглядели великанскими.

— Постелите моим людям постели! — крикнул он слугам. — Они будут ждать чудовище не расставаясь с оружием, но я встречу его голыми руками.

Слуги принесли одеяла, и люди Беовульфа положили щиты себе под головы, шлемы на скамьи, а копья при-

слонили к стенам. Факелы погасли, и вскоре в зале слышалось только тяжелое дыхание спящих.

Чудовище зашевелилось, увидев, что погасли огни в долине. Покачивающейся походкой, словно медведь на задних лапах, Грендель вышел из чащи на пастбище.

Беовульф не спал и прислушивался. То и дело поскрипывали доски, потрескивали остывающие угли, ветер шуршал коврами. Снаружи не доносилось ни звука.

Вдруг страшный удар выбил входную дверь, и на пороге появилась мохнатая фигура, полностью заполнившая собой проход. Несколько мгновений Грендель оглядывал зал, который освещали только красные угольки. Затем с ужасным рыком он так стремительно бросился на одного человека, что тот лишь успел закричать. Затем послышался треск, словно что-то разорвали. Беовульф не двигался со своего места, поскольку человек умер мгновенно. Остальные лежали тихо, ожидая команды своего предводителя.

Грендель бросил свою добычу и снова замер, оглядывая зал. Беовульф пошевелился. Чудовище заметило движение и бросилось вперед, чтобы упасть на героя и железными когтями добраться до его горла.

Беовульф поднялся на одно колено, вытянул руки, схватил мохнатую лапу и сильно дернул ее вверх. Со страшным грохотом Грендель упал и ударился головой об пол. Герой вскочил ему на спину, все еще прижимая его вывернутую лапу. Грендель попытался вырваться, и одна скамья взлетела в воздух. Он вскочил и попытался, чтобы расплющить противника о колонну. Беовульф, в свою очередь, нанес удар, и демон врезался в стену. Заскрипели доски, щиты посыпались на пол. Висевший на стене меч упал Гренделю на спину и отскочил от его металлической шкуры, как от коль-

чуги. С ревом чудовище упало на пол и стало кататься, чтобы раздавить врага, но Беовульф только крепче вцепился в него, и они покатались, сбивая столы. Со стен срывались щиты, но в зале было так темно и борьба шла такая ожесточенная, что никто из людей не посмел бы нанести удар, опасаясь ранить героя.

Наконец сражающиеся откатились к очагу, и щекой Грендель коснулся раскаленных углей. С ужасным воплем он вскочил и сбросил врага со своей спины, хотя лапу освободить ему не удалось. Теперь его когти могли добраться до врага, но он был потрясен болью от ожога и напуган мощной хваткой Беовульфа. Грендель теперь думал только о побеге.

Он стал рваться к выходу. Беовульф уперся ногой в косяк двери и держал чудовище, которое изо всех сил старалось выбраться на волю. Наконец герой резко дернул лапу. Раздался громкий хлопок и вопль чудовища. Беовульф потянул лапу на себя и тянул ее до тех пор, пока не оторвал. Грендель с ревом умчался в ночь, а герой отлетел назад, прижимая к груди свой трофей.

Когда утром встало солнце, кровавые следы виднелись там, где бежал ночью Грендель. Всадники поскакали по ним и увидели, что следы уходят далеко в горы. Хротгар приказал привести все в порядок и повесить новую дверь. Лапу чудовища прикрепили над входом, и охотники громкими криками славили Беовульфа.

Грандиозный пир был в тот вечер во дворце Хротгара. Герою король подарил коней, седло, украшенное драгоценными камнями, шлем и латы, покрытые золотом. Затем пришла королева, чтобы предложить герою эль и свои дары — длинную кольчугу и блестящую цепь, украшенную драгоценностями. Мужчины пили за здоровье Беовульфа и его людей. Король ода-

рил их золотыми кольцами. Скальд пел про героев прошлого, а когда он умолк, сидевший рядом с ним крикнул:

— Спой нам завтра песнь о подвиге Беовульфа. Его деяние мы должны помнить, пока стоит этот дворец.

Вечер перешел в ночь. Хротгар направился в свои покои, а его люди улеглись прямо на полу. Сон одолел их, а в это время старая колдунья, мать Гренделя, сидела в своем логове возле трупа сына. Наконец она поднялась, отправилась через горы на пастбища и подошла к темному дворцу.

Дверь еще не успели оковать железом. Часовой после пира сладко спал. В зале царил сон. Когда колдунья ворвалась в дом, мужчины потянулись за своим оружием, но спросонья они были тяжелыми. Остановить старуху воины не успели, и она, схватив ближайшего к себе, задушила его и, взвалив на спину, в одно мгновение исчезла. Злорадно хихикая, колдунья вернулась к себе на болото, в то время как мужчины во дворце громко требовали принести факелы и в панике от внезапного нападения шарахались от каждой тени.

Утром лицо короля Хротгара почернело от горя. Погибший был его самым доверенным советником и ближайшим другом.

— Это было не могучее чудовище, — сказал один из его воинов. — Это была колдунья, которую люди видели, когда она ходила по пятам за Гренделем. Я сам видел ее с добычей на спине. Ей больше не удастся заставить нас врасплох, и она не такая сильная, как Грендель. Не похоже, чтобы старуха отважилась еще на одно нападение.

— Это не очень успокаивает меня, — мрачно проговорил Хротгар. — Если она вернется, мы хотя бы сможем отомстить ей за моего верного воина и друга. Но

кто сможет выманить ее и убить? Это недоступно для смертного.

— Где ее логовище? — спросил Беовульф.

— В центре горного хребта есть темная долина с глубоким черным озером. Иней там никогда не тает на деревьях, на их ветвях не поют птицы, и не слышно ничего, кроме воя ветра. Охотники говорят, что загнанный олень скорее остановится, чтобы встретиться с собаками, чем побежит в эту долину. Похожие на змей чудовищные морские драконы выбирают из воды на скалы или лежат, свернувшись кольцами, на глубине, поджидая добычу. По ночам огонь поблескивает на дне черного озера. Там живут чудовища.

— Там, где может дышать огонь, смогу дышать и я! — крикнул Беовульф. — Я не боюсь морских драконов. Покажите мне это озеро, и я отправлюсь в это рискованное путешествие.

Огромного коня привели Хротгару, а его воины надели на него доспехи, и он поскакал вместе с Беовульфом. Ехали они по горной местности, по крутым склонам, ориентируясь по пятнам крови Гренделя и следам его матери-колдуньи.

В озере, возле которого остановились всадники, вода бурлила и кипела. Чудища, жившие в нем, почуяв запах крови, отчаянно крутились в водоворотах, хлестали по поверхности мордами и хвостами.

Беовульф был в доспехах, в шлеме. На боку у него висел большой меч.

— Если я погибну, — сказал он Хротгару, — отошли подаренные тобой сокровища в страну гаутов с моими людьми. Пусть расскажут моему родственнику-королю о моей славе.

Хротгар не успел ничего ответить, как Беовульф повернулся к темной воде и нырнул в озеро.

Пена вскипела вокруг него, когда чудища ринулись за добычей со всех сторон, а старая колдунья вышла из своего логова, чтобы схватить героя. Беовульф боролся в полной темноте, отбиваясь ногами, потому что старуха держала его за руки. Кольчуга защищала грудь героя. Множество огромных чудовищ окрасили воду в красный цвет и всплыли на поверхность брюхом вверх.

Колдунья нырнула. Беовульф не сопротивлялся, чтобы не мешать ей, поскольку знал, что скоро либо поднимется из пучины, либо погибнет. Наконец она проплыла по подводному коридору и оказалась в пещере, где горел огонь, чье слабое мерцание замечали с берега пастухи.

Беовульф освободил руки, выхватил меч и замахнулся на старуху. Удар пришелся прямо в то место, где шея соединялась с плечами, но железная кожа ведьмы отразила его. Лезвие погнулось. Герой бросил оружие на землю и бросился на старуху, но та увернулась, и он полетел головой вперед. Колдунья бросилась на него и нанесла удар кинжалом. Кольчуга спасла Беовульфа. В следующее мгновение он оттолкнул ее в сторону, вскочил на ноги и огляделся по сторонам, в надежде найти большой камень. Его взгляд упал на огромный меч, висевший на стене. Ловкий, как кошка, герой бросился к оружию. Замахиваться времени у него не было, и он нанес колющий удар. Когда колдунья бросилась на Беовульфа, лезвие пронзило ее горло. Она упала, и схватка закончилась.

Герой оглядел пещеру, усыпанную костями — остатками омерзительных пиров. На грубой лавке в углу лежало искалеченное тело Гренделя. Беовульф посмотрел на мохнатую фиолетовую образину, налитые кровью

глаза и оскаленные зубы, затем торжественно поднял меч и отсек чудовищу голову. Ядовитая кровь съела металл, словно кислота, и в руках героя осталась лишь рукоять.

Люди Хротгара в молчании сидели на берегу озера. Тела чудовищ какое-то время всплывали на поверхность воды, затем водовороты пропали, и вода стала гладкой. Через некоторое время на ней появилось еще пятно крови.

— Он погиб, — мрачно сказал Хротгар. — Все храбрые гибнут на этой земле.

Его люди с молчаливым негодованием посмотрели на него, но никто не смог прыгнуть в страшную воду.

— Он действительно погиб, — ответил один старик. — Никто не может находиться под водой так долго.

Хротгар поднялся со скалы.

— Солнце уже низко, и нам пора возвращаться домой, — сказал он.

— Мы будем ждать нашего предводителя, — ответил один из гаутов, людей Беовульфа.

Король Хротгар медленно забрался на коня.

— Вам долго придется ждать, — произнес он.

— Беовульф не такой, как все люди, — возразил гаут. — Никакая колдунья в озере не может его утопить. Он вернется.

Солнце уже почти село, когда невредимый Беовульф всплыл на волнах, держа в руке голову Гренделя. Гауты громко закричали, повскакивали с мест и побежали встречать его. Они возвращались домой, распевая радостные песни.

Хротгар сидел на троне, и перед ним стоял нетронутый ужин. Кружка с элем тоже оставалась полной. Беовульф гордо вошел в зал со своими людьми, держа в руках украшенную драгоценностями рукоять волшеб-

ного меча и голову Гренделя. Король бросился ему навстречу, и балки, на которых держалась крыша дворца, задрожали от криков радости.

Беовульф отплыл в свою страну на корабле, украшенном драконом, с дорогими дарами и с заверениями Хротгара в вечной дружбе. На следующий вечер во дворце короля скальд сложил новую песнь. С тех пор песнь о Беовульфе звучала в Дании до самых последних дней королевства Хротгара.

БЕОВУЛЬФ И ОГНЕННЫЙ ДРАКОН

Много-много лет назад жил один старик, последний из королевского рода. Все его родственники пали в битве, поэтому он сидел в своем дворце один и пил эль из золотого кубка между длинными рядами пустых скамей. На стенах зала висели покрытые золотом шлемы, ржавые мечи с великолепными рукоятями, давно нечищенные кольчуги и другие ценности. Сундуки короля были полны браслетов, брошей и колец из чистейшего золота. Все эти трофеи завоевали его предки своими великими делами, и теперь он бродил среди них день за днем, горюя о тех, кто ушел в мир иной.

Наконец король понял, что его жизнь тоже почти закончилась, и сказал себе: «Я не оставляю эти сокровища чужим людям, поскольку за них пролита кровь. Они являются символами нашей славы и никогда не перейдут к человеку, который будет расценивать их только как богатство». Медленно и старательно он собрал все ценности и по частям перенес их на мыс, где находились могильные холмы его родственников.

Под землей находились маленькие каменные склепы, в которые мертвые отправлялись на вечный покой со

своими вещами. Вел туда узкий коридор с каменным потолком. Камни образовывали крышу, а сверху была положена земля. Старик открыл самый большой склеп и день за днем складывал туда свои сокровища рядом с прахом героя.

Однажды холодным осенним утром он забрался на холм с последней частью груза.

«Теперь все мои сокровища собраны в одном месте, — сказал себе старик. — Они могут спать вечно в компании с мертвыми, которые их собрали. Завтра я замурую склеп, и через год сверху все снова зарастет травой».

Король вернулся домой и лег на кровать у холодного очага. Он уснул, и его глаза закрылись навеки. Однажды в грозу дворец обрушился, раздавив его белые кости. Бревна сгнили и превратились в пыль. На них проросли кусты ежевики и тоненькие сосны. О короле и его роде забыли.

А на утесе холодный ветер свистел над склепом. Снег засыпал вход. В темном коридоре поселились волки. Через какое-то время крылатый дракон обнаружил тайник и завладел сокровищами. Три сотни лет он сторожил золото, только иногда выползая погреться на солнце. Темными вечерами дракон бродил по холмам и охотился на их обитателей, а утром возвращался в свое логово.

Однажды хозяин разозлился на своего работника и прогнал его. Тот убежал, опасаясь наказания, нашел черную дыру и заполз туда. Ложе дракона было пусто, но, когда человек зажег огонь, он увидел кругом множество следов его когтей и груды золота. Работник выбежал наружу, но прихватил с собой золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Он надеялся вернуться и купить у своего хозяина прощение.

Когда на рассвете дракон вернулся в склеп и обнаружил пропажу кубка, он бросился искать его, изрыгая огонь. Чудовище долго кружило по холмам в поисках следов вора, затем возвращалось, чтобы убедиться, что кража действительно произошла. Наконец дракон бросил искать и взлетел, чтобы свершить месть. Он повернулся к долине и стал выпускать длинные струи пламени.

Чудовище наносило удары, словно молния, по всем строениям и по дворцу короля Беовульфа. Сам Беовульф был в отъезде, и гонцы помчались к нему со страшной новостью.

Беовульф был стар, поскольку правил гаутами уже пятьдесят зим. Его волосы и борода поседели, но могучие плечи еще не согнулись. Он стоял и слушал своих гонцов.

— Ни одного дома не осталось в долине! — кричали они. — Земля почернела, а от деревьев остались лишь дымящиеся пни. Дым все еще поднимается над утесом, где должно находиться логово чудовища. Мы все твои слуги, о король, ты долго и хорошо защищал нас. Спаси нас и от этого ужаса, более страшного, чем война.

Он оглядел своих воинов, но никто не смог выдержать его взгляда.

— Моя жизнь все равно подходит к концу, — сказал наконец он. — Если вы сделаете мне металлический щит, я пойду и сражусь с драконом. Ведь ни один деревянный щит не спасет меня от языков пламени.

Двенадцать воинов, вооруженные до зубов, отправились с Беовульфом. Испуганный работник фермы неохотно согласился сопровождать их.

— Вон там находится тот склеп, — сказал он, оставившись у холма.

Беовульф повернулся к своим людям:

— Стойте здесь, пока я вас не позову.

Все покорно остановились. Дальше король пошел один. Он споткнулся о камни. Его оружие загрохотало. Из склепа в тот же момент вылетело пламя. Беовульф укрылся от него щитом. Обожженный и ослепленный, он все же успел разглядеть появившегося перед ним монстра. Король тут же поднял меч для смертельного удара.

Дракон попытался увернуться, но черная кровь все же хлынула из широкого пореза. Однако меч вошел не так глубоко, как хотелось герою. Чудовище пошатнулось, из его пасти вылетело новое пламя, которое докатилось до ног воинов Беовульфа. Они в панике бросились прочь, оставив своего короля один на один с ужасным врагом. Дракон повернулся к своему противнику, и Беовульф, в свою очередь, покачнулся, борясь со страшным жаром. Наверное, он погиб бы, если бы не самый молодой из воинов его дружины Виглав, который бросился сквозь дым на помощь королю, громко призывая остальных последовать его примеру.

Молодой человек бросил перед Беовульфом свой деревянный щит, и тот в одно мгновение вспыхнул и сгорел. Ободренный неожиданной подмогой, Беовульф поднял меч и со всей силой обрушил его на голову дракона. Оружие с треском сломалось. Обломки лезвия разлетелись по сторонам. С ужасным ревом зверь бросился на короля и вонзил зубы ему в шею.

Виглав прорвался сквозь пламя, целясь дракону в грудь. Он вонзил свой меч в чудовище, хотя его обгоревшая рука почернела. Дракон вздрогнул и разжал пасть. Король кинжалом перерезал чудовищу горло.

Виглав прыгнул вперед и столкнул умирающего зверя со своего хозяина. Беовульф лежал у входа в склеп, а Виглав пытался очистить его рану от крови и яда.

— Дай мне взглянуть на сокровища, за которые я воевал, — попросил Беовульф.

Молодой человек принес золото и высыпал его перед королем.

— Это хорошая добыча, — произнес тот. — Она поможет моим людям преодолеть нужду. Я оставляю сокровища им, а тебе подарю эту золотую цепь, которую надела на меня много лет назад жена короля Хротгара. Возьми еще мой шлем, кольцо и доспехи. Я оставляю тебе королевство, и эти вещи помогут тебе охранять его.

Как только гауты увидели, что огонь потух, они вернулись к склепу и увидели, что Беовульф мертв. Виглав безуспешно пытался приподнять могучее тело короля. Тогда воины сделали из молодых стволов и ветвей носилки, положили на них Беовульфа и отнесли домой. Там они сложили большую гору бревен, повесили вокруг нее шлемы и щиты. На этом костре, как подобает герою, должно было сгореть тело короля.

Пожилые женщины оплакивали Беовульфа, а мужчины высекали в скале склеп, так чтобы его можно было видеть далеко с моря. Через узкий проход мужчины внесли сокровища дракона, положили их рядом с прахом короля, затем завалили вход камнями и землей. Через год трава покрыла склеп, и древние сокровища бесполезно лежали в течение многих веков, и о них уже никто не помнил.

ХАГБАРД И СИГНЕ

— Итак, — закончил германец, — я обещаю тебе все это и даже больше за руку твоей прекрасной дочери Сигне.

В огромном дворце короля Сигара клубился дым, и глаза хозяина покраснели. Однако даже он мог разглядеть, что стоявший перед ним проситель был очень красивым человеком, одежды его были красными, а плащ оторочен мехом. Свиные сыновья короля были потрясены богатством и связями юноши.

Альф, старший из братьев, наклонился, чтобы что-то сказать отцу, но старик смотрел в дальний конец зала, где сидела гордая Сигне. Каждый вечер она подносила ему в начале ужина рог. Поприветствовав отца, порадовав его своей редкой красотой, Сигне возвращалась на свое место, а король следил, как она исчезала, словно растворяясь в волшебной дымке факелов.

Сейчас он повернулся к дочери, чтобы узнать ее расположение духа, но, как ни вглядывался, никак не мог ничего разглядеть. На мгновение Сигар задумался, не уступить ли требованиям Альфа и не отдать ли германцу дочь. Хотя он имел на это право, как отец, но побаивался принять решение, поскольку у Сигне был еще более крутой нрав, чем у ее братьев. Тогда король оттолкнул Альфа, вновь повернулся к германцу и сказал:

— Это честное предложение, и я склонен согласиться. Но последнее слово за самой Сигне. Пусть она ответит тебе.

— Мой ответ будет коротким, — холодно произнесла его дочь, даже не поднявшись со скамьи. — Этот человек не для меня.

Король Сигар даже подпрыгнул на своем троне, услышав эти нелюбезные слова.

— Он благородный поклонник! — сердито крикнул Альф. — Не сомневаюсь, что сестра выбирает жениха в пику своим родственникам. Если бы это было не так,

она вряд ли бы отклонила это предложение таким оскорбительным тоном.

— Если хочешь знать, я предпочитаю мужчину, — презрительно отозвалась Сигне, — с более величественной душой, даже если он намного безобразнее внешне. Ему не нужно румяных щек или шелковых кудрей, как у этого германца. Его глаза должны гореть. Он должен быть великим героем, которого все уважают и признают его силу, а не связи и богатство.

— Твой жених — наш враг, — крикнул Альф, — и ты не посмеешь назвать его! Думаешь, мы не видели, как ты говорила с Хагбардом, когда он приехал сюда во время перемирия? Ты опустилась до того, что стала строить интриги с заговорщиком, с ничтожеством, с сыном главаря бандитов.

— Разве я назвала Хагбарда своим избранником? — спокойно ответила Сигне, но лицо ее вспыхнуло.

— Тогда назови его имя, — ехидно сказал ее брат.

— Назову! — крикнула Сигне. — Меня стоит только... — Несколько мгновений она подыскивала имя и с триумфом закончила: — Хакон!

Все ответы потонули в раскатах смеха, под грохот которого Сигне гордо вышла из зала. Хакону было пятьдесят лет. Он был дважды женат. После сотни битв на нем осталось множество шрамов. Хотя он и подходил под описание Сигне, все понимали, что девушка назвала его только для того, чтобы посмеяться над братом. Только ее поведение нельзя было назвать мудрым, поскольку Альф, теперь уже окончательно убежденный в том, кто является предметом ее любви, сильно разозлился. Молодой Хагбард побил его в схватке, и, хотя было установлено перемирие, Альф жаждал мести. Сейчас он о чем-то увлеченно говорил с молодым германцем, который остался в гостях у Сигара, надеявшись на то, что

Сигне можно еще убедить изменить свое решение. Она ни разу не взглянула на поклонника, а он даже и не попытался заговорить с ней, но все время беседовал с сыновьями короля.

Пришла весна, и воины начали чистить оружие. Казалось, планировалась необычная вылазка викингов, поскольку люди активно смолили корабли и забивали грузами трюмы. Германец тоже поспешно отплыл, словно и у него появилось неотложное дело. Обычно шумные и хвастливые, братья Сигне стали молчаливы с сестрой и шептались друг с другом по углам, стараясь не попадаться ей на глаза. Сигне не задавала никаких вопросов и, как обычно, выходила приветствовать отца, но не задерживалась долго в зале.

Началось длинное лето, и корабли подняли паруса. Какое-то время торговые суда привозили новости о флоте, но потом целый месяц о нем ничего не было слышно. Женщины начали тревожиться. Поползли слухи о несчастье. В начале зимы несколько воинов все же появились дома, но корабли и молодые принцы не вернулись. Вместе с германцем они напали на Хагбарда, но тот разбил их отряды.

Старый Сигар не устраивал траура по погибшим сыновьям, но его лицо стало мрачным, и он теперь злобно смотрел на бледные щеки дочери. Сигне без традиционного приветствия поднесла ему рог. Он молча взял его и проводил дочь тяжелым взглядом. Сигне удалась в свои покои и, не говоря ни слова, принялась за вязание.

Так в бессонных ночах прошла зима, но, когда дороги оттаяли, приехал во дворец гонец, который сильно озадачил Сигара. Этим гонцом оказалась огромная

женщина со щитом и в военных доспехах. Она была из свиты короля Хакона и принесла весть, касающуюся Сигне.

«Если дерзкий ответ моей дочери достиг ушей Хакона, — подумал Сигар, — у него могла возникнуть мысль о еще одной жене». Король не знал, как ему воспринимать это предложение, и решил, что лучше всего будет спросить саму Сигне. Он позвал рыжеволосую служанку, которая осталась в зале после ухода принцессы.

— Раз Хакон прислал нам деву, ты должна отвести ее к моей дочери, — сказал он. — Пусть Сигне выслушает сообщение и даст ответ.

Девушка кивнула, но с радостью передала бы эту обязанность какой-нибудь другой женщине, поскольку глаза гости напугали ее.

Король Сигар погрузился в глубокие раздумья, пока его люди накрывали столы для ужина.

— Интересно, почему Хакон прислал ко мне женщину? — пробормотал он.

Наконец ему подали рог. Только сейчас это сделала служанка.

— Сигне пригласила женщину к себе в комнату, чтобы выслушать сообщение без свидетелей. Кажется, послание очень длинное, — пояснила она.

— Хорошо, — ответил Сигар. — Моя дочь оказала уважение посланнице короля Хакона.

— Служанки вымыли ей ноги, — вдруг сказала женщина. — Вы бы их видели. Они покрыты волосами, как у мужчины, с грубой кожей и мозолями.

— И у тебя были бы такие же, — рассмеялся король, — если бы ты была воительницей, скакала в полном вооружении по горам или ходила по каменистым дорогам. Под грубой обувью и твои ноги стали бы грубыми и волосатыми.

— Так и она сказала. Но вы когда-нибудь видели, чтобы женщина держала иглу как кинжал и так вкалывала ее в вышивку?

— Никакая женщина, воюющая на стороне такого морского разбойника, как Хакон, никогда не сядет за веретено или шитье.

— Так и она сказала.

— Подай мне рог, — нетерпеливо произнес король. — Ты слишком много говоришь.

Он взял рог и стал пить эль.

Тогда служанка сказала:

— Вы когда-нибудь видели женщину, которая заливала бы себе в рот одну кружку эля за другой? Мне кажется, так пьют только мужчины.

— Ты утомила меня своими глупыми разговорами, — сказал старый король. — Думаешь, я начну сомневаться в посланнице Хакона только потому, что она привыкла жить среди мужчин? Твое место возле хозяйки, а не здесь, в зале.

— Очень хорошо, — ответила служанка и гордо вскинула голову. — Я иду к Сигне и никому не расскажу о том, что увижу!

Она выбежала из зала, и король задумчиво посмотрел ей вслед.

В тот вечер ужин получился скучным, поскольку король сидел в молчании. Однако, когда наступила ночь, он не встал и не пошел спать на свою огромную кровать под балдахин. Слуги заменили сгоревшие факелы, а приближенные ждали указаний от короля, но тот сидел подперев голову рукой и не подавал никому никаких знаков. Наконец дерзкая служанка с очень важным видом снова вошла в зал.

— Я ждал тебя, — спокойно сказал Сигар, подняв голову. — Что ты видела на этот раз?

— За внутренней комнатой есть небольшой чуланчик, — сказала женщина, — откуда можно подслушивать, приложив ухо к стене.

— Полагаю, ты давно знаешь этот секрет, — мрачно проговорил король, неожиданно крепко схватив ее за запястье. — Продолжай. Что ты слышала?

— Я слышала, как Сигне сказала: «Доверься мне, потому что ты моя любовь, и я клянусь, если ты погибнешь, я уйду с тобой в тот же час».

— Это все? — резко спросил король и притянул служанку за руку на расстояние фута от своих глаз. — Это все? — снова спросил он, сверля ее взглядом.

— Пустите меня! — громко крикнула служанка. — Я могла слышать только Сигне, потому что она сидела ближе к стене. Принцесса сказала: «Мои братья хотели убить тебя из-за меня, и мой отец ни разу не заговорил со мной после их гибели. Но мне безразличны и отец и братья, поскольку мое сердце обещано тебе!»

— Это Хагбард! — сказал король и так сильно дернул девушку за руку, что она упала на стол. — Люди! Хватите мечи и бегите быстрее. Убивший моих сыновей Хагбард в покоях Сигне.

Люди вскочили на ноги и стали прыгать через столы. Заблестели мечи, кубки с элем полетели на пол. Некоторые схватили копья и топоры. Кто-то уже барабанил в дверь опочивальни Сигне. Раздался злобный крик, дверь распахнулась, и на пороге появился их огромный враг. Затем зазвенели мечи. Крики продолжались. Все длилось очень долго, потому что в узком проходе с Хагбардом одновременно могли сражаться только два воина. Многие попадали назад, получив раны, некоторые погибли под ногами сражавшихся. Но Хагбард по-прежнему сражался как лев, а Сигне держала в каждой руке

по факелу, чтобы слепить противников любимого и освещать их для его ударов.

Наконец под натиском врагов Хагбард был вынужден отступить в маленькую комнату. Здесь на него бросилось так много людей, что уже невозможно было размахивать мечом. Двое схватили его за руку с оружием, один уцепился за пояс, и еще несколько человек напали со спины. В конце концов противники повалили Хагбарда на пол, связали по рукам и ногам и подняли, чтобы вынести. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на Сигне. Та слегка улыбнулась и кивнула. Воины понесли Хагбарда к королю Сигару, но она не сказала ему на прощание ни слова. Те, кто прибежал сражаться или просто поглазеть на схватку, отправились вслед за ними. Сигне в это время взяла за руку мальчика-слугу, которого она особенно любила, и прошептала ему на ухо несколько слов.

— Луна еще высоко, — произнес король Сигар. — Постройте виселицу на вершине вон того холма. Повесьте Хагбарда до наступления зари. Вся страна должна увидеть месть убийце моих сыновей.

Люди взяли топоры и вышли, а мальчик-слуга вернулся к Сигне.

Рассвет был ярко-алым, день обещал быть ветреным. Петля уже свисала с перекладины виселицы, когда Хагбард поднялся на холм в окружении стражи. Никто не заметил нерешительности в его походке или перемены в его обветренном лице. Он посмотрел вверх, на огромную виселицу, и оглянулся на долину, простиравшуюся внизу.

— Я буду висеть здесь, как знамя над полем битвы, — сказал Хагбард. — Берегись, как бы я не принес огонь и разрушение в твой дом, король.

— В чем дело? — мрачно спросил Сигар. — У меня нет других сыновей.

— Возможно, это не будет иметь значения. Во всяком случае, часы мои сочтены. Ты исполнишь мое последнее желание?

— Каково оно?

Хагбард медленно повернулся и посмотрел на горизонт:

— Чтобы умереть, есть еще много времени. День только начинается. Подними мой красный плащ на виселицу и дай мне посмотреть, как он развевается на ветру. Мне бы хотелось видеть, как я буду выглядеть на веревке на фоне неба. Дай мне взглянуть на эту картину и смириться с мыслями о смерти.

— Странная просьба, — сказал старый король. — Мне кажется, лучше уж не хвататься за жизнь и не тянуть последние минуты. Но раз ты попросил, ты их получишь. Ты умрешь, когда солнце поднимется над тем деревом. Люди, поднимите плащ.

Красный плащ заколыхался на ветру. Король, опершись обеими руками о посох, молча стоял и ждал. Хагбард под виселицей непоколебимо смотрел вниз, на дворец Сигара, не обращая никакого внимания на плащ.

— Что ты думаешь о доверии женщинам, король? — спросил он, когда солнце стало светить сквозь ветви маленького дерева.

— Им нужно верить или очень мало, или вообще не верить.

— А Сигне, которая клялась мне в любви, была верна своему слову?

— О, Сигне, — гордо произнес старик. — Сигне не обычная девушка. Она не опустится до клятвопреступления.

— В страну мертвых путь долгий! — с торжеством крикнул Хагбард. — Мы поклялись, что наши души совершат это путешествие вместе. Я поверил клятве Сигне, но умирать молодым трудно, и я попросил тебя поднять плащ вместо меня, чтобы быть уверенным. Видишь, из окон Сигне идет дым? Как и обещала, она подожгла свою комнату и повесилась. А теперь торопись. Солнце уже поднимается над деревом, а я должен догнать ее. Я рад смерти, потому что где-то наши души будут вместе, наша любовь будет жить.

— Приведите мне моего коня! — крикнул Сигар. — Скачите, люди мои, скачите как ветер к Сигне. Стража, повесьте этого дикаря. Он погубил всех моих детей. Когда-то у меня были сыновья-воины и моя гордость — дочь. Скачите быстрее. Может, мы еще спасем Сигне даже против ее желания.

Копыта королевских коней застучали по склону холма. Впереди густой дым поднимался в небо, а позади на виселице висел человек. Он действительно был похож на знамя над полем битвы.

Часть четвертая

ИСТОРИИ ИЗ СЕВЕРНЫХ САГ¹

История любви

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ХЕЛЬГИ

В Исландии стояли теплые весенние дни. Несколько глиняных хижин, где проводились ежегодные собрания, сохли на солнце. В его лучах от соломенных крыш поднимался пар. Несколько всадников, прискакавших, чтобы приготовить хижину Торстейна к собранию, были заняты работой. Сам Торстейн вытер ладонью мокрый лоб, громко вздохнул и снова принялся чинить обвалившуюся земляную стену. Норвежец, подносивший ему дерн, остановился, тяжело дыша. Торстейн снова громко вздохнул и уступил место помощнику. Его беспокойство росло по мере того, как он распалялся. Этот норве-

¹ Исландские саги — это истории древнейших родов и хроника норвежских королей. Они являются величайшими памятниками древней норвежской литературы. История «Гуннара с Речного Склона» взята из первой части самой знаменитой саги о Ньяле, или, как ее называют в английском переводе, «История сожжения Ньяля». Она датируется XII веком, на сто лет раньше, чем «Сага о Гуннлауге», из которой взята история «Возлюбленные Хельги». «Глупый Рой» входит в сочинение XIV века. Сама история позаимствована из арабских сказок «Тысяча и одна ночь», но автор так искусно изложил ее, что она дает великолепную картину скандинавской жизни. (Примеч. авт.)

жец был торговцем и остановился со своим кораблем в Исландии на зиму. Торстейн предоставил ему возможность отдохнуть три месяца и теперь считал, что имеет право требовать усердия в работе.

Работа завершилась к полудню. Все еще раздраженный, Торстейн отбросил лопату, резко отвернулся от своего гостя и направился в тень, где были привязаны лошади. Там он лег на спину и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что не расположен к беседе. На самом деле Торстейн наблюдал за норвежцем. Ему не нравились его косые взгляды, землистый цвет лица и мышиного цвета волосы, которые только выцвели, а не поседели. Сам Торстейн был румяным, видным мужчиной. Его жена тоже была красивой. У них росли три прекрасных сына. К концу лета их должно было стать четыре. Веки Торстейна сомкнулись, мысли потекли медленно и приятно. Наконец он уснул.

Проснулся Торстейн с громким криком. Его незванный гость сидел и с удивлением смотрел на него.

— Твои сны тревожат тебя, — как обычно четко, произнес он. — Такие сны должны что-то означать.

— Ничего, — мрачно ответил Торстейн и повернулся, чтобы собрать инструменты.

Люди нагрузили лошадей и поскакали. Торстейн молчал и держался позади всех. Когда норвежец тоже отстал от остальных, хозяин даже не взглянул на него и ничего не сказал, а только неосознанно приподнялся в седле и тяжело вздохнул. Когда он сделал это в третий раз, норвежец быстро сказал:

— У меня большой опыт в толковании снов.

— Очень хорошо! — раздраженно воскликнул Торстейн. — Я расскажу тебе свой сон, и ты поймешь, что он не имеет никакого значения. Мне приснился лебедь на крыше моего дома. Птица была необычайно краси-

ва и очень мне понравилась. Вдруг с гор прилетел огромный орел и стал ласкать ее, пока она не повернулась к нему. Ей нравилось внимание орла. В это время второй орел прилетел с юга и сел рядом с ней с другой стороны. Первый орел распушил перья. Затем с громкими криками хищники бросились друг на друга. В воздухе раздавался шум их битвы. Огромные крылья загораживали солнце. Наконец оба рухнули на землю мертвыми. Мой лебедь в изнеможении взлетел и вновь опустился на крышу. Мне было больно видеть его в таком состоянии. Вдруг с запада прилетел сокол, и моя птица улетела с ним. Я думал, что мое сердце разорвется от тоски.

— Гм! — Норвежец задумался, но ничего не сказал.

Неприязнь к этому человеку опять вспыхнула в сердце Торстейна.

— Ничего этот сон не значит, — уверенно произнес он. — Птицы, очевидно, снятся к сильному ветру.

— Вовсе нет, — спокойно возразил норвежец. — Птицы означают людей. У тебя скоро родится дочь, которая принесет много горя, когда вырастет. Два знатных человека будут сражаться за нее, и оба погибнут. Она же выйдет замуж за третьего, но не такого благородного человека.

В голосе норвежца звучало удовлетворение, поскольку он гордился своим умением толковать сны. Торстейн уловил его настроение и возмутился.

— Это злонамеренная выдумка, — пылко произнес он. — Лучше побереги свои предсказания несчастий для кого-нибудь другого, кто не станет обращаться с тобой так хорошо, как я.

— Мой корабль будет снаряжен до конца месяца, — сухо ответил норвежец. — После этого я больше не буду обременять тебя своим присутствием.

Весна сменилась летом. Подходило время великого собрания. Все главы семейств готовились к нему. Сюда приносили ходатайства, здесь разрешались споры, устраивались состязания. В общем, решались все дела на текущий год. Торстейн надел свои лучшие одежды — красную тунику, красный плащ и вышитый золотом пояс — и выглядел в них очень красивым. На его пальце блестело толстое золотое кольцо, на льняных волосах красовался золотой венец. На боку висел меч, но Торстейн в знак мира обвязал его кожаными лентами и спрятал в ножны. Пока один из слуг надевал на коня украшенное красным и золотым цветами седло, Торстейн зашел к жене и попрощался.

Йофрид сосредоточенно сидела за пряжей, и только когда муж приблизился к ней, она оглянулась. Тревоги Торстейна вконец измучили ее этой весной. Она чувствовала, что у мужа что-то на уме, но уже теряла терпение от его непонятной скрытности. Возможно, он ожидал неприятностей от собрания. В любом случае лучше бы ему уехать из дома. Йофрид раздраженно посмотрела на мужа.

Торстейн постоял несколько минут, но жена ничего не сказала и не отложила работу. Это его страшно разозлило, и он высказал то, что хотел сказать уже месяц.

— Йофрид, — хрипло произнес Торстейн, глядя себе под ноги, — если родится девочка, я не приму ее. Отнесешь ее в горы, слышишь?

Жена уронила руки и посмотрела на мужа.

— Это злое деяние, — наконец произнесла она, когда к ней вернулся дар речи. — Даже в семьях бедняков, где много ртов, которые трудно прокормить, это считается ужасным преступлением. Что скажут люди о состоятельном Торстейне, который живет как принц, принимает у себя чужеземцев и разрешает им жить у себя по

полгода, если он оставит свою дочь в горах на голодную смерть?

— Это моя воля, — отрывисто ответил Торстейн, не в силах вступать в спор. — Сделай так, чтобы после возвращения с собрания я не нашел в своем доме девочку.

Он резко повернулся и вышел, не сказав больше ни слова.

Йофрид была деятельной и сильной женщиной, но понимала, что хозяин в доме муж. Когда у нее родилась прекрасная девочка, она не осмелилась оставить ее до возвращения Торстейна, но в то же время не собиралась нести ребенка в горы, как было приказано. Женщина подкупила одного из пастухов, чтобы тот отвез девочку к сестре Торстейна и попросил воспитать малышку вместе со своими детьми. Когда муж вернулся, Йофрид сказала ему, что девочка умерла, а один из пастухов сбежал.

Жизнь потекла своим чередом. Все оставалось по-прежнему. Только домашние стали замечать резкие нотки в голосе хозяйки, когда она обращалась к Торстейну. Сам же он больше, чем прежде, уделял сыновьям внимания.

Каждый год с наступлением весны Торстейн собирался поехать навестить сестру. И каждый год забота о землях, собрание и возражения жены срывали эту поездку. Наконец, шесть лет спустя, Йофрид согласилась отпустить мужа.

Муж сестры устроил Торстейну пышную встречу. Он проводил его на почетное резное кресло в центре огромного стола, а сам сел напротив. Сестра преподнесла брату мясо прямо с огня и полный рог эля. Наконец все места за столом были заняты мужчинами. Женщины прислуживали.

Когда пиршество подходило к концу, сестра подошла к Торстейну и присела рядом, чтобы поговорить с ним. Она показала ему трех девочек, сидевших на скамье напротив, и спросила, что он о них думает.

— Очень милые дети, — ответил Торстейн, — но та, что в центре, прелестнее остальных. Семья твоего мужа отличается красотой, наша тоже, но ни у них, ни у нас в роду не было столь прекрасного ребенка.

— Это не дочь моего мужа, — сказала сестра. — Это твой ребенок.

Она рассказала Торстейну всю историю, умоляя простить его жену и ее.

Огромный камень свалился с души Торстейна. Он радостно рассмеялся:

— Какой я был глупец, а вы обе покрывали мое безрассудство. Йофрид с тех пор ни разу мне не улыбнулась, и у нас нет другой дочери. Позволь мне взять ее домой. Как зовут девочку?

— Хельга, — ответила его сестра.

— Она будет Хельгой Прекрасной, — счастливо проговорил Торстейн, — поскольку я уверен, что во всей Исландии нет более красивого ребенка.

Иллуги Черный считался в той местности самым состоятельным человеком после Торстейна. Старший из его сыновей рос многообещающим юношей, усердным и здравомыслящим, а второй, Гуннлауг, постоянно расстраивал отца. Он был высоким малым с рыжими волосами, прекрасными карими глазищами, крупными волевыми чертами лица и обаятельной улыбкой. Но у юноши был острый язык, которым он пользовался в самые неподходящие моменты. Гуннлауга не интересовало мнение других. Он не мог подчиняться и занимал-

ся делом только до тех пор, пока оно доставляло ему удовольствие. Чем старше он становился, тем труднее было отцу жить с ним под одной крышей. Однако, когда Гуннлауг пришел к нему и попросил корабль с товарами, чтобы отправиться в другие страны торговать и посмотреть мир, это тоже не обрадовало Иллуги.

— Вряд ли ты добьешься успехов в других странах, если не можешь соблюдать порядок в собственном доме, — заметил он.

Гуннлауг ничего не сказал в ответ, но три дня спустя Иллуги проснулся от какого-то шума, встал, вышел из дому и увидел, что его амбар открыт и на дороге лежат несколько мешков с различной утварью. Он вошел в амбар и затаился в темноте. Через несколько минут Гуннлауг подвел к дверям четырех лошадей и стал нагружать их.

— Что ты тут делаешь? — резко спросил Иллуги, выйдя из тени.

Гуннлауг вздрогнул, но не тронулся с места.

— Грузю свои товары, — высокомерно ответил он. — Ведь это не так много для сына богатого отца.

— Убери руки от мешков! — взревел Иллуги. — Ты поедешь, *когда* я разрешу и *если* я разрешу. И вот еще что скажу тебе — я не разрешу ни сейчас, ни потом.

— О нет, отец, — насмешливо ответил Гуннлауг. — Может быть, для твоих рабов нужно разрешение, но я сам решаю, что мне делать.

С этими словами он повернул своего коня и ускакал прочь. Разозленный Иллуги отнес мешки обратно в амбар и с грохотом захлопнул двери.

Гуннлауг приехал к Торстейну и все ему рассказал. Тот уважал отца молодого человека, и потому рассказ не произвел на него большого впечатления. Тем не менее он велел Гуннлаугу остаться у него. Тот так и сделал

под предлогом, что учился у Торстейна праву. Это позволило избежать ссоры с Иллуги, но было ясно, что Гуннлауга не очень интересовало обучение. Он предпочитал играть в шахматы с Хельгой Прекрасной.

Девушка была приблизительно его ровесницей и отличалась редкой красотой. Ее волосы были мягкими, как шелк, и блестящими, как чеканное золото. Когда она распускала их, они покрывали ее, словно плащ. Торстейн хотя и гордился красотой дочери, но считал, что ей еще рано выходить замуж. Он не обращал особого внимания на ее дружбу с Гуннлаугом, пока молодой человек однажды не обронил шутливую фразу:

— Могу сказать тебе, Торстейн, что одной вещи ты меня все-таки никогда не научишь. А именно: как мне обручиться с девой.

— О, это очень просто, — беззаботно ответил Торстейн и объяснил молодому человеку формы соглашения между отцом невесты и женихом при свидетелях.

— Теперь давай посмотрим, правильно ли я все понял, — со смехом сказал Гуннлауг. — Допустим, ты обручаешь нас с Хельгой, и здесь есть свидетели. Теперь я беру твою руку и говорю...

— Одну минуту, — тоже рассмеялся Торстейн. — Нам лучше сначала предупредить свидетелей, что все это шутка. Иначе ты можешь оказаться оседланным женой, даже не получив ее согласия.

— Да, конечно, — легко согласился Гуннлауг и слегка покраснел. — Итак, я беру твою руку и говорю...

— В шутку, — повторил Торстейн, — я говорю...

Он произнес нужные слова. Двое продолжали разыгрывать комедию, но Гуннлауг улыбался через силу.

Два дня спустя молодой человек прискакал домой к отцу. Они помирились, и Иллуги приказал снарядить для сына корабль. Через несколько недель Гуннлауг

снова без предупреждения появился у Торстейна и заявил, что приехал попрощаться. Он остался на несколько дней и интересовался больше Хельгой, чем погрузкой корабля. Наконец однажды утром, когда скакал рядом с Торстейном, Гуннлауг попросил руки его дочери.

— Конечно нет, — ответил Торстейн.

— Почему? — вспыхнул Гуннлауг. — Сын Иллуги — отличная партия.

— Я не думаю, что ты стоишь моей дочери, — сказал Торстейн. — Прежде всего, ты еще не знаешь себя. По твоей просьбе отец снарядил тебе корабль для долгого плавания. А сейчас ты приходишь ко мне, говоришь, что хочешь жениться и осесть на месте. Это безрассудно.

— Но почему? — вскрикнул Гуннлауг и преградил путь Торстейну. Тот был вынужден смотреть ему в лицо. — Это не внезапное решение. Ведь я уже просил у тебя руки Хельги.

— И я отказал тебе, как ты помнишь.

— Ты сделал это без какой-либо причины, — горячо спорил Гуннлауг. — Тогда у меня не было и мысли о путешествии.

— Ты даже не посмел попросить открыто. Разве похоже, что я могу отдать Хельгу человеку, который не может найти себе никакого применения, который ссорится со своим отцом и у которого такой острый язык, что никто его не любит?

— Хельга любит меня.

— Довольно. Убирайся. — Торстейн оттолкнул молодого человека и поскакал дальше.

— Этим отказом ты оскорбляешь мою семью! — крикнул тот ему вслед. — Мой отец обидится на такое неуважение.

— Я уважаю твоего отца, — бросил через плечо Торстейн, — и не думаю, что он поддержит тебя.

Иллуги действительно не хотел помогать сыну, но постепенно поддался его мольбам и стал уговаривать Торстейна дать согласие. Тот понимал, что будет неразумно оскорблять Иллуги прямым отказом. Наконец был найден компромисс. Гуннлауг должен был уехать на три года. Хельга осталась ждать его. Если молодой человек не вернется или вернется таким же ненадежным, то за Торстейном останется право отдать Хельгу замуж за кого-то другого.

Гуннлауг отправился в Норвегию, оттуда в Швецию и, наконец, в Англию, где заслужил славу под знаменами короля Адальрада, воевавшего против вторгшихся на его территорию данов.

На третий год отсутствия Гуннлауга юноша по имени Храфн, сын богатого землевладельца с юга страны, вернулся из путешествия и стал ухаживать за Хельгой Прекрасной. Он сделал это, прежде всего, из желания насолить Гуннлаугу, чья непомерная гордость вызывала в нем ненависть. Храфн почти не думал о Хельге, кроме того, что она подходила ему как любая другая дочь состоятельного человека. Однако, увидев ее, он сразу влюбился и стал торопить Торстейна с ответом.

— У Гуннлауга, — говорил Храфн, — много возлюбленных в других странах, и вряд ли он вернется домой скоро.

Торстейну нравился Храфн. Юноша был выходцем из хорошей семьи, много путешествовал, считался смелым и здравомыслящим. Его смуглое красивое лицо и уверенные речи, казалось, были приятны молодой девушке, еще мало видевшей в жизни. Торстейн сожалел о своем обещании Гуннлаугу, но все же оставался человеком слова.

Тем временем Гуннлауг сообщил королю Адальраду о своем намерении вернуться в Исландию, но тот ожидал нового нападения со стороны данов и упрекнул молодого человека в том, что он в трудный час оставляет его одного. Только к концу четвертого лета Гуннлауг получил разрешение отплыть. Так юноша отправился домой с большим опозданием.

Только Гуннлауг сошел с корабля на берег, как случайно узнал неприятную новость: его Хельга обещана Храфну. Юноша вскочил на коня и помчался домой.

Иллуги услышал стук копыт во дворе и радостный шум голосов. Он медленно вышел на порог, чтобы с достоинством встретить гостей, но вдруг в удивлении охнул и побежал навстречу высокому, широкоплечему, бородатому мужчине.

— Гуннлауг! — крикнул Иллуги. — Сын мой! Мы уже не ждали тебя в этом году. Что случилось? В чем дело? Ты ранен? Как ты вырос!

Иллуги скучал по своему непокорному сыну. Его дерзость и чудачества теперь казались отцу гораздо дороже скучной почтенности старшего сына. И теперь, когда он вернулся, изменившийся и возмужавший, слезы радости появились на глазах Иллуги. Его рука дрогнула, когда он взял Гуннлауга за локоть.

— Пусть кто-нибудь поможет мне войти в дом, отец. У меня болит нога. На берегу пришлось ввязаться в одну историю. Подрались, я вывихнул ногу.

Люди провели Гуннлауга и усадили на скамью. Он вытянул поврежденную ногу, а Иллуги торопливо послал слугу за кубком эля. Бледное лицо Гуннлауга немного порозовело.

— На самом деле все в порядке, — успокоил он отца. — Болит после скачки. Я сел на последний корабль, и нас задержали встречные ветры. Теперь говорят, будто Хельга обещана Храфну. Поэтому я и торопился домой.

— Но сын мой, — сказал ошеломленный Иллуги, — ты уже опоздал. Сегодня вечером в доме Торстейна состоится свадьба Храфна и Хельги Прекрасной.

— Тогда я должен ехать! — громко крикнул Гуннлауг и вскочил со скамьи, но нога подвела его, и он упал от боли, едва не потеряв сознание. Слуги подбежали к нему, подняли и отнесли на кровать.

Так Гуннлауг и не добрался до дома Торстейна, чтобы расстроить свадьбу. Но через несколько дней слухи о его возвращении и намерении приехать к Хельге распространились повсюду. Девушка залилась слезами, сказала мужу, что он обманул ее, и отказалась от него. Храфну пришлось отвезти ее обратно в дом Торстейна. Там супруги и остались. Хельга держалась возле матери. Она спускалась в зал, садилась за стол, но с Храфном не разговаривала. Он в свою очередь клялся, что не оставит жену, что любит ее и будет жить с ней до самой смерти.

В ту зиму играли еще одну большую свадьбу. Семьи Торстейна и Иллуги вынуждены были прийти как гости. Сначала Гуннлауг не хотел идти, но отец убедил его, что над ним станут смеяться, если он испугается встретиться лицом к лицу с Храфном и его женой. Тогда Гуннлауг надел свой самый пышный наряд, подаренный королем Ирландии, и отправился на свадебный пир.

Отец невесты встретил Иллуги и его сыновей и провел их на почетные места в центре зала. Напротив них сидел Торстейн, а рядом с ним темноглазый Храфн в

голубых одеждах, подпоясанный серебристым ремнем. Наряд Гуннлауга был ярко-красным. Плащ украшала золотая вышивка. По краям он был оторочен дорогим мехом. Его плечи были шире, а рыжая голова выше всех в зале. Неудивительно, что прекрасная Хельга не спускала с него глаз, сидя рядом с невестой. На фоне ее сияющей красоты невеста казалась дурнушкой. Гуннлауг и Хельга сидели и смотрели друг на друга, гости начали шептаться между собой, и Храфн вспыхнул, наделав много шума. Даже молодожены были рады, когда закончился пир, и женщины поднялись, чтобы разойтись по домам.

Гуннлауг молча встал, подошел к Хельге, взял ее за руку и отвел в сторону.

— Ты не дождалась меня, — сказал он.

— Ты не приехал, — ответила девушка, — и мой отец поженил нас с Храфном. Только мало счастья принесла ему эта свадьба.

— Ты моя, — сказал Гуннлауг, — и всегда была моей. Ты еще выйдешь за меня замуж, а пока возьми этот плащ в подарок, как символ. Это дорогой королевский дар. Такие прекрасные вещи очень редки.

Хельга прижалась щекой к мягкому меху и ответила:

— Он вернется к тебе, когда я стану твоей.

Они расстались, каждый вернулся к себе домой. Закончилась зима, и пришло лето, а вместе с ним и собрание, на котором Гуннлауг неожиданно, соблюдая древние традиции, публично вызвал Храфна на поединок. Храфн достойно согласился, но собрание зашумело. Когда-то поединки были обычным делом, но от них уже давно отказались. Нельзя было называть их противозаконными, но никто не хотел потакать безрассудству двух состоятельных людей, которые могли положить начало вражде их родов. Наконец все согласились на по-

одинок, но при условии, что он не должен закончиться смертью. По установленным правилам, раненый или потерявший оружие признавался побежденным. Он должен был заплатить выкуп и отказаться от Хельги.

Через три дня после вызова бойцы вышли на площадку. Храфн держал серебристый щит с изображенной на нем черной птицей. У Гуннлауга же щит был красный, с сияющим золотом солнцем. Бойцы встали на шкуру черного быка, брошенную на траву. Решили, что первый, кто отступит под натиском противника и окажется двумя ногами на траве, — проиграет. Храфн, как получивший вызов, имел право первого удара.

Гуннлауг стоял улыбаясь, широко расставив ноги. Меч Храфна взмыл вверх, он стиснул зубы и изо всех сил рубанул по поднятому щиту. Раздался звон. Гуннлауг лишь немного покачнулся, а меч противника, будто заколдованный, разлетелся на куски. Лезвие пролетело совсем рядом с лицом рыжеволосого громилы. В руках у недоумевающего Храфна осталась одна рукоять. Гуннлауг, поддавшись воинскому азарту, ринулся на беззащитного врага. Несколько зрителей с криками подбежали и встали между сражающимися. Иллуги и отец Храфна повисли на руке разбушевавшегося дуэлянта, пытаясь уговорить его.

— Победа все же моя! — поддаваясь уговорам миротворцев, выкрикнул Гуннлауг. — Так уж и быть, я прощаю его. Он безоружен.

Храфн отбросил в сторону рукоять меча и громко засмеялся.

— Прощаешь меня? Хельга по-прежнему принадлежит мне, — возразил он. — Смотри! На тебе первая кровь!

Действительно, из крошечной царапины на щеке у того текла маленькая струйка крови.

— Это не поединок! — в ярости воскликнул взбесившийся Гуннлауг. — Храфн, я снова вызываю тебя. И до смерти.

— До смерти, — хладнокровно ответил Храфн, — и завтра.

При поддержке обеих семей на собрании в тот же день был проведен закон, запрещающий поединки. С тех самых пор в Исландии он никогда не нарушался. Негодующие молодые люди решили ехать драться в Норвегию, но слух о ссоре опередил их, и норвежский король запретил поединок и там. Жажда мести привела враждующих в Швецию. Там, в местечке Дингнесс, они решили поставить точку в своем споре, приказав своим проводникам ждать окончания их сражения на небольшой ровной поляне у берега моря.

Во время схватки взошло солнце. Оно коснулось верхушек мокрых деревьев, чуть обогревая их серебристыми лучами, но по земле продолжал стелиться туман, словно тяжелое дыхание воинов на морозном воздухе. На море был полный штиль. Не раздавалось ни единого звука, кроме стука мечей о щиты и треска тонкого льда болотистой почвы. Неприятели бросались вперед, уворачиваясь и скользя на влажной траве, неистовые удары молотили то по красному, то по серебристому щиту.

Солнце поднялось высоко, и туман наконец полностью растаял. Подняв меч, Храфн заморгал — солнечные лучи ослепили его, заставив отвернуться. Быстрый, как молния, Гуннлауг бросился вперед и нанес рубящий удар. Лезвие вонзилось глубоко в ногу Храфна. Он пошатнулся, ухватился за дерево и выронил щит. Гуннлауг опустил меч.

— Я не сражаюсь с искалеченными, — сказал он.

— Ты победил, — простонал Храфн. — Теперь из великодушия принеси воды, раз даруешь мне жизнь.

— Я принесу тебе полный шлем, — согласился его противник, — но сначала опусти меч.

— Он нужен мне, чтобы опираться, — мрачно отозвался Храфн. — Я не обману тебя.

Гуннлауг напился из ручья сам и затем наполнил шлем. Опираясь правой рукой на меч, Храфн протянул левую за водой. Когда противник подошел ближе, он резко выпрямился, его качнуло, но он успел изо всех сил ударить Гуннлауга мечом по незащищенной голове, а затем по стволу дерева медленно сполз на землю.

Наступила полная тишина. Наконец Гуннлауг произнес хриплым голосом:

— Это был предательский удар.

— Знаю, — согласился Храфн, — и мне стыдно. Просто я не мог вынести мысли о том, что моя Хельга будет в твоих объятиях.

— Вставай и сражайся, — сказал Гуннлауг, вскочив на ноги.

Храфн подался вперед, но не смог защититься щитом от смертельного удара. Гуннлауг прислонил окровавленный меч к стволу дерева и снова упал на траву. Подоспели испуганные проводники. Храфн был мертв. Люди принялись перевязывать рану Гуннлауга, он осмеивал их старания и говорил, что это бесполезно.

Солнце уже стояло в зените, когда в далекой Исландии Иллуги спал в своей постели. Последнее время долгий сон вошел у него в привычку. Тем утром ему снился сын, его мальчик стоял на траве у берега моря с мечом в руке. На голове его не было шлема, а по лицу текла кровь. Кровью была окрашена и трава вокруг. Гуннлауг прислонил меч к стволу дерева и хотел сесть, но вместо этого упал. Его глаза неподвижно смотрели в небо.

Иллуги проснулся, как от толчка, и понял, что его сын мертв.

Узнав о гибели Гуннлауга, Хельга Прекрасная не погрузилась в траур, но с тех пор больше никогда не улыбалась. Торстейн не мог выносить грустного лица дочери и выдал ее замуж за доброго, но ничем не примечательного человека. Хельга молча уехала с ним, став хорошей женой. И все-таки, когда домашние дела позволяли, она подходила к резному шкафу и доставала плащ Гуннлауга. Хельга не надевала его, но любила сидеть, положив плащ на колени, глядя золотую вышивку или мягкий мех.

Через несколько лет в тех местах свирепствовал мор. Хельга заразилась, но переносила болезнь на ногах. Однажды вечером она грелась у огня, положив голову на колени мужа, и вдруг тихо попросила служанку принести плащ Гуннлауга. Когда подарок прежнего возлюбленного положили рядом, женщина протянула к нему руку, но это движение отняло у нее последние силы. Хельга Прекрасная упала на грудь мужа и умерла.

История правосудия

ГЛУПЫЙ РОЙ

Черный торговый корабль шел к пристани, на которой его уже ждала толпа любопытствующих. Это был добротный корабль, с пятнадцатью веслами по каждой стороне, с высокими бортами, покрытыми свежей смолой. Собравшиеся знатоки оценили красивые очертания судна и крепкие металлические скобы на фальш-бортах. По внешнему виду они догадались, что его построили в Дании. На высокой палубе стоял матрос с канатом в руках и высчитывал сокращающееся рассто-

яние между ним, причалом и группой людей, глазевших на корабль.

Матрос торжественно поднял руку. Вдруг из-за его спины кто-то молниеносно соскочил на берег. Люди на пристани расступились. Незнакомец точно приземлился и успел ловко поймать канат, пока тот не соскользнул в воду.

Это был высокий стройный мужчина около тридцати лет, невероятно пышно одетый в красное платье и длинные белые чулки. Его плащ был сшит из неокрашенной шерсти, но покрыт красной и золотой вышивкой. На богатом поясе, перекинутом через плечо, висел щедро украшенный кинжал. Когда мужчина выпрямился, все увидели его мужественное и довольно приятное лицо, если бы не глаза, один из которых был голубым, а второй больше первого и черного цвета.

— Отличный прыжок для дана, — сказал один из стариков у стены. — Ты совладелец этого корабля, незнакомец?

— Владелец, — весело ответил мужчина. — Судно, груз и все прочее принадлежат мне.

Послышался шепот. На присутствующих чужеземец явно произвел впечатление.

— Хорошая собственность, — с завистью в голосе заметил кто-то.

Мужчина пожал плечами:

— Это все мое состояние. Сейчас меня зовут Рой Богатый, но жизнь моряка непредсказуема. Год за годом она приучила меня быть Никем, и кто знает, может быть, когда-нибудь я снова стану Никем.

— Если ты потеряешь этот корабль, — сказал остролицый человек из задних рядов толпы, — то станешь Глупым Роем.

Этот человек, видимо, занимал высокое положение, поскольку передние ряды сразу с уважением расступились, чтобы дать ему пройти. Рой увидел перед собой высокого мужчину с неприятной улыбкой, жесткими рыжими волосами и маленькими глазками.

— Я Хельги, — сказал он, — подданный короля Эрика. Что у тебя за груз? Если он мне понравится, мы можем заключить сделку.

— У меня красная ткань и вышитые одежды, — ответил Рой. — Еще топоры, щиты и много других кузнечных изделий. Мне нужны дорогие меха, шерсть и кожа. Если у вас есть золотые пряжки или кольца, король Дании купит их у меня.

— Я купил часть меха из королевской дани с севера, — сказал Хельги, — и продам ее за те вещи, которые ты назвал. Еще у меня есть местная шерсть и овечьи шкуры. Поехали со мной. Заглянешь в мои кладовые. Если товары тебе подойдут, я возьму весь твой груз.

Рой отправился с Хельги через весь город, рассказывая ему по дороге про свои товары. Дом оказался большим, с просторным двором и служебными постройками.

— Все это будет твое, — сказал хозяин, направляясь к одной из таких построек, — а я возьму твой груз. Хорошая сделка?

Рой посмотрел на товары и решил, что они гораздо дороже, чем его собственные. Он чувствовал, что это парень с острыми чертами лица себе на уме. Но возможно, набег викингов повредили ценные вещи, или людям короля требовалось оружие в какое-нибудь плавание. Рой решил лучше ничего не спрашивать, раз ему сделали такое выгодное предложение.

— Но сначала ты должен привезти мои товары, — сказал он. — Мне же нужно разгрузить корабль, а у тебя есть свободные помещения.

— Завтра я приведу своих людей на пристань, — согласился Хельги. — А потом привезу свои товары, чтобы ты погрузил их. Сколько дней тебе потребуется?

— О, четыре или пять, — беззаботно ответил Рой. — Мы должны вымыть трюм и заготовить свежую провизию. Всегда нужно что-то отремонтировать, и, кроме того, моим людям нужен отдых. Лучше даже шесть дней.

— Четыре, — сказал Хельги. — По правде сказать, я купил много шерсти, и мне тоже нужны помещения.

— Очень хорошо, — согласился Рой, не желая срывать такую сделку. — Пусть четыре, хотя я не знаю, успею ли управиться.

Конечно, прошло шесть дней, когда все товары с ко рабля были перевезены, и Рой нашел время прийти к Хельги и сказать, что матросы придут за товарами завтра. Он был убежден, что хозяин ожидал этого, поскольку моряки никогда не считались пунктуальными, а назначенное время было уж слишком маленьким. Когда Рой вошел во двор Хельги, он вдруг обнаружил его пустым. Двери кладовых были распахнуты, и Рой вошел в одну из них. К его смущению, внутри оказалось совершенно пусто, кроме нескольких клочков грязной шерсти и пары тараканов как раз на том месте, где они недавно стояли с Хельги.

Рой осторожно наступил на одного из них и задумчиво проследил, как второй скрылся в щели пола. Наконец, не придумав ничего лучшего, он беспечно улыбнулся и вышел во двор. В задней части дома находилась маленькая комната, где Хельги сидел со своими друзьями или заключал сделки. Рой знал об этом и, насвистывая, направился туда.

В комнате с Хельги сидели четверо или пятеро человек. Рога были наполнены элем. Хозяин оторвался от своего и расхохотался.

— Привет, Рой Богатый, — насмешливо произнес он и посмотрел гостю прямо в глаза.

— Глупый Рой, — раздался голос откуда-то сзади, и все захохотали.

Рой продолжал улыбаться и молчал.

— Где мои товары? — спросил он наконец.

— Товары? — эхом отозвался Хельги. — У тебя есть корабль, а о товарах я ничего не слышал.

— Как это?

— Я вывез свои товары из кладовых в назначенный день, — пояснил Хельги. — С тех пор ты сюда не приходил, поэтому я сложил их на земле. Но мне не хотелось оставлять их там, чтобы все разворовали, поэтому я завез их обратно. Ну а раз ты не выполнил условия сделки, все товары мои.

— И королевский закон, несомненно, позволяет это? — с сарказмом спросил Рой. — Неудивительно, что ты богат.

— Не трогай короля, — огрызнулся Хельги. — Неприятности принес тебе закон. В Швеции человек должен защищать свои товары. Если он оставляет их без присмотра, соблазняя воров, мы называем это преступлением. Королевские суды переполнены штрафами, но я благородный человек и могу оплатить твой в обмен на прекрасный новый корабль.

— Благодарю, — ответил Рой. — Очень любезное предложение. Вижу, что вряд ли я разбогатею в Швеции.

С этими словами он, улыбаясь, ушел. На душе у него лежала огромная тяжесть. Рой решил, что его вызовут в суд через день или два. Если он выйдет в море вечером, ему удастся спасти корабль, но нельзя же было

терять груз. Также неразумно для моряка было позволить облапошить себя королю Швеции. От дома Хельги за ним шли два человека, но Рой их не заметил. У него на поясе висел хороший кинжал, и кругом было полно свидетелей на случай, если произойдет нападение в центре города.

Вдруг Рой услышал позади топот и обернулся. Один человек исчез, а другой столкнулся с ним и схватил его за пояс.

— Стой, вор! — крикнул он. — Отдай мой нож!

Незнакомец отнял бы кинжал, если бы Рой не оттолкнул его. Человек отлетел назад, тяжело сел на ступени и даже не сделал попытки подняться, а только лежал в пыли и кричал. Вокруг начала собираться толпа.

— Держите этого человека! — кричал незнакомец, указывая на Роя, который стоял и молча смотрел на него.

Никто не прикоснулся к моряку, но люди обступили его. Противник поднялся и стал отряхивать со своей одежды пыль.

— Вы все знаете меня, — начал он. — Я Торгильс...

— Брат Хельги, — предположил Рой, обратив внимание на рыжие волосы и маленькие голубые глазки.

— Вы все знаете меня, — повторил Торгильс. — Этот злодей украл мой кинжал и пояс, который я купил в Англии пять лет назад. На следующий год в Нормандии его у меня украли. Но теперь я получу его обратно, а вора нужно осудить.

— Ты добьешься справедливости, — ответил Рой. — Это я пойду в суд. А мой кинжал останется у меня.

С этими словами он пошел дальше, а добившийся своего Торгильс отпустил его.

В глубокой задумчивости Рой двинулся вниз по улице, поскольку понимал, что его защита опирается лишь на его собственное слово. Торгильсу поверят скорее, чем

чужеземцу, и он мог привести друзей, которые поклянутся, что узнали нож. Рой так глубоко погрузился в раздумья, что не заметил, как повернул за угол и столкнулся с еще одним рыжеволосым человеком. Оба на мгновение замерли и посмотрели друг на друга. Затем рыжеволосый бросился на Роя и схватил его за горло.

— Вор, грабитель! — громко завопил он. — Отдай мой глаз!

Незнакомец стал трясти моряка изо всех сил.

Когда Рой пришел в себя, вокруг снова собралась толпа, и рыжеволосый отпустил его.

— Вы все знаете меня, — начал он в свою очередь. — Я Тори́р, брат Торги́льса, а этот человек украл мой глаз.

Рой взглянул на Тори́ра. У него действительно был один глаз, и тоже голубой.

— Я встречал его раньше, — сказал рыжеволосый, указывая толпе на Роя. — Он приплыл торговать в Самсей из Дании и был одноглазым, а потом сговорился с какими-то колдунами, чтобы лишить меня глаза. Видите, у него мой глаз. Он даже не подходит второму, черному.

Это было странное обвинение, но никто еще никогда не видел человека с разными глазами. Наступила тишина.

— Королевский суд решит, я думаю, — заметил Рой.

— Да, и очень скоро! — крикнул Тори́р. — Кара правосудия настигнет человека, укравшего мой глаз.

— Тяжелые обвинения летают сегодня в воздухе. — Рой пожал плечами и направился на свой корабль.

На следующее утро Роя, в красном платье, с золотой лентой в волосах, видели как ни в чем не бывало направлявшимся к городским воротам. Он здоровался со многими знакомыми, но те сухо отвечали ему и уходили. Пара мальчишек хихикала над ним, а когда моряк

проходил мимо них, до его ушей донеслось слово «глупый». Рой не придавал этому значения, а про себя подумал: «Они не посмели бы, если бы не считали меня уже осужденным».

Так он подошел к городским воротам, а когда проходил через них, девушка, несущая воду, рассмеялась ему в лицо. У нее был широкий рот, вздернутый нос, и вообще она не отличалась красотой, несмотря на роскошные золотые волосы. Тем не менее на сердце у моряка полегчало, и он немедленно решил, что никогда еще не видел столь милой особы.

— Доброе утро, прекрасная дева, — произнес Рой, преградив ей путь.

— Доброе утро, Глупый Рой, — язвительно ответила девушка.

Моряк вздохнул.

— Возможно, это имя правильное, — признал он. — Но что ты знаешь о моем случае?

— Моего отца зовут Судьей. Он самый мудрый человек во всей округе. О тебе в городе ходят слухи. Говорят, что дела твои так же хороши, как у мертвеца.

— Разве тебе меня не жалко? — спросил моряк, подойдя ближе.

— Жалко, — согласилась девушка, все еще улыбаясь. — Но я слышала, что ты очень глуп.

— А твой мудрый отец может помочь глупцу?

— Не знаю. — Девушка вдруг стала серьезной. — Мой отец не любит этих трех братьев, но не больше, чем датчан. Сомневаюсь, что он станет говорить с тобой, если ты попросишь у него совета.

— Думаю, я должен попытаться, — сказал Рой.

— Нет, подожди. У меня есть идея получше. Ты можешь пойти за мной, но так, чтобы никто этого не заметил?

— Доверься мне.

— Тогда смотри, через полчаса мы подойдем к маленькой двери. Ты увидишь, как я войду внутрь. Потом я проведу тебя в свою комнату, она находится над большим залом, спущусь к отцу и задам ему несколько вопросов. А ты сможешь все услышать.

— Дева, — пылко произнес Рой, — тебе никто не говорил, как ты прекрасна?

— Нет. — Девушка вспыхнула, сказав чистую правду. Мужчины чаще называли ее умной.

Час спустя она не дыша от страха провела Роя в маленький коридор. Моряк бесшумно последовал за ней, понимая, как сильно она рисковала.

Комната девушки в небольшой мансарде была заставлена парой ткацких станков и шкафами. На полу лежала куча шерсти. Очевидно, у хозяйки было много домашней работы. Рой, спрятавшийся за шкафом, подумал, изобрела ли девушка способ так же незаметно выводить посторонних из дома. «Она очень сообразительная, — успокаивал он себя, — и все придумает». Моряк гнал от себя тревожные мысли и вслушивался в разговор, который доносился снизу.

— Итак, ты встретила Роя, — произнес густой бас.

— Да, и он мне понравился.

— Но он глуп, — сказал мужчина.

— Не думаю, — ответила девушка. — Его случай очень трудный, и даже ты, папа, на его месте не выпутался бы.

— Глупости! — сердито ответил ее отец. — Хельги пытается обмануть Роя с товарами. Это совершенно ясно, даже если он имеет ряд преимуществ с точки зрения закона. Рою не трудно было бы повернуть дело в свою сторону и отобрать у обманщика и товары и честь. Хельги понимает это и потому высылает двух

братьев с обвинениями, которые моряк не сможет опровергнуть.

— В этом-то и беда, — согласилась девушка. — Что Рой может сделать с человеком, который утверждает, будто он украл у него глаз? К тому же я часто слышала от тебя, что король благоволит к братьям. Значит, он скорее поверит им. Такое отношение не поможет Рою отвести от себя их обвинения.

— Нет, — сказал ее отец. — Ему это никогда не удастся. Но я скажу тебе, как ему нужно отвечать...

Видимо, девушка говорила с отцом о Рое и после его ухода. Моряк встретил Судью на следующее утро у городских ворот в окружении большой компании. Хотя старик был довольно угрюм, но все-таки позволил Рою ехать вместе с ним и появился на собрании на стороне моряка. Когда король сел на трон, отец девушки занял место напротив и вызвал трех братьев, чтобы они предъявили Рою свои обвинения.

Сначала поднялся Хельги и изложил королю свой случай. Он выразил притязания на все товары и даже стал утверждать, что сам король имеет обвинение против чужеземца.

Слушая эту историю, монарх нахмурился, стал поигрывать своим золотым перстнем и наконец сказал:

— Совершенно ясно, что это трюк, Хельги, но, похоже, закон на твоей стороне. Думаю, ты можешь хорошо заработать, если дела так пойдут и дальше. Это правда, Рой?

Моряк поднялся со скамьи и вышел вперед.

— Правда, — сказал он, как всегда улыбаясь. — Но не вся. Хельги сам нарушил наше соглашение, которое заключалось, как вы сейчас от него слышали, в том, что

он должен был вывезти абсолютно все содержимое своих кладовых для меня. Теперь я и забираю все, включая моль, червяков или тараканов и любую другую ползающую тварь. Их он из кладовых не вынес, значит, сделка уже недействительна. Более того, Хельги сам находился в кладовой, когда заключал со мной сделку, а значит, тоже принадлежит мне. Правда, он недорого стоит, — насмешливо сказал Рой, указывая на своего противника. — Но я могу заставить его работать или продать мои товары на каком-нибудь базаре. Это требование, король, и я прошу у тебя справедливости.

— Думаю, — король с мрачной улыбкой повернулся к Хельги, — Рой не такой уж глупец, каким все его считают.

— Он хорошо защищается, — заметил Судья, — но мы должны послушать, что он скажет на обвинение Торгильса.

— Верно, — согласился король и вызвал второго истца, который поклялся под присягой, что у него украли кинжал в Нормандии, а также обвинил в этом Роя.

— Обвинение серьезное, — произнес король, поворачиваясь к моряку. — Торгильсу мы доверяем. Что ты ответишь ему?

— Только то, что эта история — совершенная правда, — ответил Рой. — Он потерял свой кинжал в Нормандии, и вот как это произошло. Я родился в Дании, как вы знаете, и у меня был младший брат, очень способный мальчик, которого я взял с собой в Нормандию, когда ему было всего двенадцать лет. Ему нравилось торговать, и я поручал ему небольшие дела, потому что надеялся со временем сделать его своим помощником. Однажды, отправившись выполнять мое поручение, он шел через лес и встретил большого мужчину с прямыми волосами. Они стали торговаться. Мальчик имел неосто-

рожность показать кошелек. Так или иначе, но человек сбил его с ног, взял деньги и убежал. Люди видели, как парень торопливо выбежал из леса, но когда вошли туда, то нашли моего мертвого брата. Деньги пропали, но этот кинжал и пояс он сжимал в своих руках. Так Торгильс и потерял его в Нормандии. Теперь я, в свою очередь, требую суда над убийцей моего брата и грабителем.

— Наказанием за такие страшные преступления является смерть, — на всякий случай заметил Судья.

— Подождите! — подпрыгнул на месте Торир. — Этот грабитель заслуживает не такого суда. А как насчет моего глаза?

Он рассказал свою историю и закончил так:

— Король, хотя этот случай выглядит странным, я рассчитываю, что ты веришь мне. Мы с братьями давно служим тебе и много раз оказывали тебе услуги. Мое слово, конечно, стоит дороже, чем слово этого чужеземца, который к тому же может оказаться грабителем.

— Да, странная история, — сказал король, — но я слышал вещи и более удивительные. Рой, что ты ответишь на это?

— Ничего не могу ответить, — сказал Рой, — кроме того, что он совершенно верно говорит. Его слово весит гораздо больше, чем мое, и под присягой мне негоже обвинять его во лжи. Но я сделаю ему предложение, и оно откроет правду.

— Какое? — спросил король.

— Пусть люди выколют мой глаз и глаз Торира, положат их на весы. Если выяснится, что их вес равен, то глаз принадлежит Ториру. Если же нет, то, значит, он мой.

— Я не согласен! — крикнул Торир и в ужасе представил, что может лишиться единственного глаза.

— Значит, ты лжешь, — сказал Судья, поднимаясь. — Итак, к чему мы пришли? Вы, братья, сговорились ра-

зорить Роя и выставить его всем на посмешище. Вы лгали и обманывали слишком часто, и теперь король не может доверять вам. Мое мнение такое: приговор вам вынесет Рой.

Король молча кивнул.

Тогда Рой сказал:

— Я приговариваю Торгильса и Торира к смерти, потому что они хотели этого для меня. Хельги я приговариваю к изгнанию со смертельной болью в душе. Его товары я забираю себе за те раны, которые он мне нанес.

— Да будет так, — произнес король и покинул трон, чтобы не видеть, как арестовывают его бывших любимцев. А Рой поскакал домой вместе с Судьей и по дороге попросил руки его дочери.

— Я вижу, что ты должен жениться на ней, — согласился тот, — или я никогда не узнаю, как ты воспользовался советом, который я дал ей вчера утром.

История кровной вражды

ГУННАР С РЕЧНОГО СКЛОНА

Халльгерда

На десятой неделе лета в Исландии на площади собраний царило радостное оживление. Землевладельцы прибыли из своих местностей, одевшись в парадные одежды, в сопровождении многочисленных родственников. Узкая дорога к площади была запружена людьми. По ней ехал Гуннар с Речного Склона. Он направлялся к своему родственнику Рангриверу, который остановился лагерем у озера. Слуги, лениво мывшие лошадей или чистившие упряжь, стали дергать друг друга за рукава, указывая на высокую фигуру в ярко-красных одеждах.

— Видите его? Это Гуннар с Речного Склона, самый красивый мужчина на севере.

Женщины выглядывали из шалашей или сплетничали, сидя на покрытом травой берегу. Многие мужчины везли с собой жен и даже дочерей, поскольку на собрании можно было сладить хорошие свадьбы. Девушки радостно улыбались Гуннару, восхищаясь его свежей кожей и светлыми волосами. «Он лучший стрелок из лука в Исландии, — говорили они друг другу. — Он может прыгнуть выше своей головы в доспехах, и никто не может сравниться с ним в состязаниях. У него самая милая улыбка и самое благородное сердце».

Девушки печально вздыхали, когда Гуннар проезжал мимо них, поскольку он их совсем не замечал.

Гуннар медленно ехал, здороваясь с многочисленными знакомыми, наслаждаясь солнечной погодой и радуясь возвращению домой. Когда он проезжал мимо хижин людей из Мосфелля, с ним заговорила женщина:

— Добрый день, Гуннар с Речного Склона.

— Я вижу, ты знаешь мое имя, — ответил Гуннар, остановившись.

Женщина была очень красива. Густые локоны потопком ниспадали на ее красное платье и вились золотыми кольцами у талии.

— Я спрашивала про тебя, потому что искала новостей из Норвегии. А ты приехал издалека.

— Новости из Норвегии? — поразился Гуннар.

— Расскажи мне о новом короле Хаконе. Кто теперь его любимцы и что стало с людьми Харальда? Действительно ли король несправедлив, как про него говорят, или просто жесток с врагами, как и подобает великому властителю? Как живут в Норвегии землевладельцы, подчиняются ли королю?

— Почему тебя так интересуют короли? — удивленно спросил Гуннар. — Ни одна женщина не задумывается о таких вещах.

— Гуннхильда, последняя королева-мать, правила Норвегией за своего сына. Если она могла думать о таких вещах, почему я не могу о них подумать?

— Из тебя бы тоже получилась великая королева, — в восхищении сказал Гуннар, пораженный статью женщины и яркой красотой ее лица.

— Получилась бы, — согласилась она, — если бы злая судьба не сделала меня дочерью землевладельца в Исландии, где люди предпочитают беспорядок королям. Я уже дважды вдова, но так и не встретила подходящего человека. Могу удовлетворять свое любопытство только разговорами с путешественниками, как сейчас.

— Давай посидим у реки. Там мы сможем поговорить подольше, — продолжил Гуннар, восхищаясь незнакомкой все больше и больше.

В течение дня их беседа перекинулась от Норвегии к Дании и вернулась к домашним делам в Исландии. Гуннар был восхищен знаниями женщины, точности ее замечаний. Больше всего его потрясла ее ошеломляющая красота. Непомерная гордость женщины была украшением к пышному платью и смягчалась в глазах Гуннара ее обхождением.

— Как тебя зовут? — спросил он наконец, когда в разговоре наступила пауза.

— Халльгерда, дочь Хёскульда, — ответила женщина.

— Я не король, — произнес Гуннар, — но богат и не уступлю ни одному мужчине в Исландии в беге, стрельбе и плавании, а если понадобится, и в бою. Если я попрошу твоей руки, согласишься ли ты? Ведь Хёскульд, твой отец, может отказать мне, потому что я долгое время был в ссоре с твоим дядей Хрутом.

— Хрут не друг мне, — со злобой ответила Халльгерда. — Когда ты услышишь, что он говорит обо мне, возможно, и ты изменишь свое мнение.

— Нет, если я получу твое согласие.

— Ты его уже имеешь, — ответила женщина.

Хижина Хёскульда оказалась длинным низким строением с земляными стенами и с крышей, покрытой свежей сосновой корой. В ней стояли грубо сколоченные скамьи вдоль стен. Хёскульд и Хрут были худыми людьми с заостренными чертами лица, очень похожие друг на друга, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте. У седовласого и светлоглазого Хёскульда движения были неуверенными, как у человека со слабым зрением. Младший брат Хрут был энергичнее, он мог бы казаться красивым, если бы не темная кожа.

Братья вежливо, но без особого удовольствия поздоровались с Гуннаром. Пока Хёскульд говорил о погоде и делах в собрании, принесли эль. Хрут отделялся скупыми короткими фразами. Гуннар с трудом сдерживал себя, не отвечая на дурное обращение.

— Что бы ты подумал обо мне, если бы я попросил у тебя руки Халльгерды? — вдруг спросил он Хёскульда.

Отец Халльгерды поставил кубок с элем на край стола и несколько секунд колебался, пытаясь справиться с растерянностью.

— Я бы подумал... ну... об этом, — с сомнением в голосе пробормотал он. — Что скажешь, родственник?

— Он нам не подходит, — сразу отозвался Хрут и сделал резкий жест, чуть не плеснув элем в сторону гостя.

Гуннар вспыхнул от негодования.

— Не думаю, что ты хочешь возобновить наш старый спор, — дрожащим от ярости голосом сказал он.

— Мой брат только имеет в виду... — начал было Хёскульд.

— Я имею в виду, — решительно перебил его Хрут, — что Гуннар — человек безупречной репутации, чего не скажешь про Халльгерду.

— Ты должен объясниться, — заявил Гуннар, обеспокоенный таким поворотом дела.

— Пожалуйста. Во-первых, у Халльгерды отвратительный характер.

— Она очень отважная женщина, — сказал ее отец.

— Я заметил, — проговорил Гуннар. — И это все?

— Первый муж был убит ее старым преданным слугой, — злорадно продолжил Хрут. — Говорили, это она подговорила его.

— Серьезное обвинение, — пробормотал Гуннар. — А какова правда?

— Халльгерда была сумасбродкой и не выносила критики в свой адрес. Произошла ссора, и муж ударил ее. Слуга, видевший эту сцену, на следующий день убил его.

— Почему же обвиняли Халльгерду? — удивился Гуннар, который всегда считал Хрута грубым и опасным малым и не придавал особого значения его мнению.

— Ты не знаешь Халльгерду. К тому же потом она защищала слугу.

— Как могло быть иначе? Ведь он убил ради нее.

— Но и это еще не все, — злорадно сказал Хрут, наклоняясь к гостю. — Все повторилось снова.

— Ты хочешь сказать?.. — Голос Гуннара оборвался.

— Я хочу сказать, что она снова вышла замуж и ее второй муж был убит тем же слугой, хотя на этот раз Халльгерда разозлилась и позволила казнить убийцу.

Гуннар был по-настоящему озадачен. На такое он не рассчитывал и теперь в смущении молча смотрел на торжествующего Хрута.

— Этот слуга воспитал ее и был как отец Халльгерде, — не поднимая глаз, торопливо вступил в разго-

вор Хёскульд. — Когда он постарел, его характер стал таким ужасным, что никто не мог вытерпеть старика в доме. Только Халльгерда находила с ним общий язык. Поэтому он и не одобрял ее замужеств. Я уверен, дочь любила второго мужа и не виновна в его смерти.

— С ней невозможно жить, — прошипел Хрут. — Она ужасна. Даже когда Халльгерда была маленькой девочкой, я видел, как она воровала у своих подружек прямо на моих глазах.

— Неправда! — взвизгнул Хёскульд.

— Правда, братец. — Хрут ударил кулаком по столу. — Мы спорили с тобой пятнадцать лет, и уверяю тебя, я все видел своими глазами.

— Зачем вспоминать старое? — устало вмешался в разговор Гуннар. Он питал одинаковое отвращение и к слабости отца, и к ненависти дяди. — Верно, Халльгерда вам непонятна. Я богат и могу выносить ее капризы. Мне нравится ее независимая гордость. Она женщина с характером, но, если это вызывает между вами ссору, думаю, мы с ней ссориться не станем.

— Послушай моего совета, брат, — сказал Хрут. — Откажи ему.

— Вы оба давно затаили на меня злость! — горячо воскликнул Гуннар. — И хотите отплатить мне отказом на основании этих преувеличенных историй.

— Нет-нет, — быстро ответил Хёскульд. — Мы не держим на тебя зла. Если Халльгерда согласна, то я тоже.

— Ничего хорошего из этого не получится, — самодовольно заявил Хрут. — Я говорю это тебе по доброй воле.

— Постараюсь так думать, — холодно ответил Гуннар, поднимаясь со своего места.

Воровство

Через несколько лет после женитьбы Гуннара и Халльгерды в Исландии ничего не уродилось, затем последовали суровая зима и дождливое лето. Все сено погнило. Задолго до окончания новой зимы во многих домах стали кончаться продукты и корм для скота. Мелкие землевладельцы стали обращаться за помощью к крупным. Самым состоятельным из них был Гуннар с Речного Склона. Сам он был добрым человеком, и его щедрость как нельзя кстати подходила гордости Халльгерды. Но постепенно Гуннар сам стал нуждаться и, в свою очередь, обратился к хозяевам, которые оказались более бережливыми.

Откель из Церковного Двора, к которому он пришел первым, был грубоватый парень, который давно с ревностью относился к славе Гуннара.

— Тебе нужны мясо и сено? — усмехнулся он. — Жаль, что ты напрасно приехал. Для продажи у меня ничего нет.

Гуннар уже думал уехать назад.

— Извини, сосед. Трудные времена настали для нас. Я слышал, что у тебя есть запасы, а иначе не стал бы тебя тревожить, — продолжил он.

— У меня есть запасы, — подтвердил Откель, — их больше чем достаточно, но я не хочу их продавать.

— Тогда дай мне их займы, если тебе так больше нравится, — легко сказал Гуннар. — Уверяю тебя, ты внакладе не останешься.

— Я ничего не даю попрошайкам, — резко ответил Откель, встав на пороге. — У меня хозяйство меньше, чем у некоторых, но я знаю, как им управлять, чтобы не становиться должником соседей.

— Оно сослужит тебе хорошую службу, — сказал один из людей, стоявших за спиной Гуннара, — если мы заберем твои продукты силой и оставим тебе деньги.

— Оставьте лучше меня в покое! — закричал Откель и отступил, когда толпа сделала шаг к двери. — У меня хорошие связи с Моссфеллем, который знает, как защитить меня от грабителей.

— Оставьте его, — твердо сказал Гуннар. — Человек имеет право на свои товары и на дурную славу, которую он зарабатывает своим поведением. Раз он отказывается продавать, мы можем возвращаться домой.

— Кто сказал, что я ничего не продам? — возмутился Откель. Его самообладание вернулось к нему, поскольку он увидел, что Гуннар не причинит ему вреда. — Как я могу отказать великому правителю Речного Склона? Можешь даже купить этого раба, если хочешь. Дешево. — Откель указал на неуклюжее существо, которое в нерешительности переминалось с ноги на ногу за сложенными в зале бревнами.

— Кто это? — спросил Гуннар, пораженный жалостью к бедняге.

— Мелкольв, ирландский мальчик, которого я купил у своего брата. Мы заставляем его работать, но он глуп, и ты можешь забирать его. Маленькие люди, как мы, должны экономить, в то время как еще один рот в твоём доме не будет иметь особого значения. — Откель радостно захихикал.

— Я куплю этого человека, — заявил Гуннар, которому было жаль оставлять раба такому хозяину. — Позови его, и я уеду.

— Это не по-дружески, — возразил Откель, снова ухмыляясь. — Разве ты не войдешь и не разделишь мой скромный обед? У меня есть мясо, масло, сыр, хотя у таких состоятельных людей, наверное, всего этого полно и дома.

Гуннар бросил деньги за раба на снег под ноги Откелю и уехал.

— Оставьте его в покое, — сказал он своим спутникам. — Это маленький человек, а такие люди иногда обладают скверной душой.

Гуннар прискакал домой в Речной Склон и раздобыл продукты. Но история о поведении Откеля облетела округу, и о ней пошло много разговоров.

— Ты должен убить его, — с негодованием сказала мужу Халльгерда. — Я всегда считала тебя малодушным глупцом, но никогда не думала, что ты спокойно воспримешь такое оскорбление.

— Жена, — сказал Гуннар, — ты говоришь слишком много об убийстве. К счастью, ты ссорилась с моими друзьями, а не с такими людьми, как Откель, у которого, похоже, большие связи. Ругайся со мной дома, но позволь мне управлять внешними делами.

— О, с тобой нет смысла говорить! — воскликнула она. — У тебя нет чувства собственного достоинства.

Гуннар пожал плечами и вышел. Такие сцены давно стали обычными, и если он не мог сдерживать Халльгерду, то, по крайней мере, избегал открытой войны.

— Хрут был прав насчет ее характера, — бормотал он себе под нос. — И все-таки я не вижу, чтобы она могла причинить какой-то вред.

Пришло лето, а с ним и надежда на хороший урожай. На пастбищах появилась трава, а потом и мясо, хотя кладовые по-прежнему пустовали. Гуннар поехал на собрание, обещав привезти с собой компанию друзей. Как только он скрылся из виду, Халльгерда послала за рабом Мелкольвом.

— Ты хорошо знаешь дом Откеля. Где у него кладовая? — спросила она.

— Во дворе рядом с кухней, — пробормотал раб.

— Отлично, — сказала Халльгерда. — Теперь слушай меня. Я дам тебе двух коней. Ты поскачешь к Откелю и с наступлением темноты нагрузишь их. Разбросай при этом вещи, а когда будешь уходить, подожги все. В суматохе никто и не заметит пропажу.

— Я не вор! — с достоинством крикнул Мелкольв. — Не хочу выполнять такое поручение.

— Я убила мужчин получше тебя, — огрызнулась Халльгерда. — Никто не станет искать тебя, кроме мужа, но он будет рад, что я убила своего раба, а не соседского.

— Я пойду, хозяйка, — торопливо согласился раб.

В тот вечер он поскакал на Церковный Двор. Рано утром мальчик вернулся со свертками масла и сыра, которые Халльгерда спрятала в свою пустую кладовую.

— Ты поджег постройку? — спросила она.

— Да, хозяйка, все хорошо загорелось. Я видел отблески огня от реки, где остановился, чтобы починить обувь. Пламя взвилось высоко, а вокруг бегали люди. Я слышал их крики. Думаю, кухня тоже сгорела.

— Очень хорошо, — сказала Халльгерда. — Вижу, ты полезный человек. Ну, теперь Откель из Церковного Двора получил по заслугам.

Откель был потрясен потерей своих кладовых. Он посчитал, что пожар возник случайно, от искры, вылетевшей из кухни и попавшей в один из амбаров. Но днем к нему с пастбища пришел человек, сообщил о следах копыт у реки и принес кинжал и пояс Мелкольва, которые раб оставил, когда чинил обувь.

— Я узнаю этот нож! — вскрикнул Откель. — Он принадлежит Мелкольву, которого я продал Гуннару... Гуннару... Почему единственный человек Гуннара, который знает, где находятся мои кладовые, появился здесь в ночь пожара?

Он бросился на пепелище и стал бегать вокруг него. Строения были полностью разрушены, и хозяин не мог найти многого, но убедил себя и без доказательств.

— Кладовую сначала обокрали, а потом подожгли, — заявил Откель.

— Если мы сможем свалить это на Гуннара, — сказал его друг Скамкель, — то ославим его на всю Исландию, как вора.

— Для этого нам нужны доказательства, — ответил Откель, выпрямляясь и потирая брови испачканной пеплом рукой. — Все случившееся понятно, но для суда у нас ничего нет.

— Слушайте меня, — сказал Скамкель, — и скоро у нас будут все необходимые доказательства. Я знаю людей Гуннара. Они любят поиграть в великодушие, раздавая еду прямо у дверей дома. Пошли туда бродяг и воров, чтобы они принесли оттуда что-нибудь. Если хорошо сделать дело, можно будет выгнать Гуннара из страны.

Через несколько дней Гуннар вернулся домой с собрания с большой компанией. Халльгерда не могла удержаться и выставила на стол лучшие продукты.

— Где ты взяла масло и сыр? — удивленно спросил муж, поскольку знал, что ничего подобного в доме давно не было.

— Занимайся своими делами и оставь домашние заботы мне, — ответила Халльгерда, так как была уверена, что он не станет ссориться с ней в присутствии гостей.

— Где ты взяла эту еду? — громко крикнул Гуннар. Станные слухи о пожаре у Откеля уже распространились по округе, и, хотя никаких имен не упоминалось, ходили слухи, что соседские кладовые могут оказаться полными.

Халльгерда ничего не ответила, но Гуннар заметил на ее лице виноватое выражение. Он сделал два быстрых шага и ударил жену по щеке.

Халльгерда отпрянула назад, споткнулась о табурет и неуклюже шлепнулась на пол на глазах у гостей. Звук пощечины раздался в полной тишине. В этой же тишине женщина поднялась и отряхнула пыль со своего ярко-синего платья.

— Два человека умерли за меньшее, чем пощечина, — четко проговорила она. — Можешь быть уверен, я припомню этот удар, даже если ждать придется двадцать лет.

— Уберите эту еду со стола! — крикнул Гуннар слугам, повернувшись спиной к жене. — Наши гости извинят меня за скудное угощение, о котором я предупреждал их по дороге.

Масло и сыр унесли со стола. Их заменило копченое мясо, которого у Гуннара было в достатке.

— Принесите эля, — приказал хозяин. После этой команды языки развязались, и мужчины начали громко разговаривать обо всем на свете, кроме еды.

На следующий день Откель и Скамкель сидели на сыроварне и укладывали сыр в формы, которые Откель позаимствовал у жены. Халльгерда продолжала строить из себя благородную леди, и бродяги принесли необходимые доказательства.

— Он наш! — крикнул Скамкель. — Этот сыр точно подходит под нашу форму, и совершенно ясно, что его сделали в ней.

— Надо за это выпить, — с радостью ответил Откель. — Я пожертвую дюжину таких кладовых, чтобы насолить этому гордецу Гуннару. Его славе великого в нашей округе будет положен конец.

В сыроварню вошел слуга:

— Гуннар с Речного Склона во дворе, хозяин. С ним толпа людей. Он только что слез с коня.

Откель отбросил форму для сыра в сторону и вскочил.

— Спокойно, спокойно, — сказал его друг. — Не надо торопиться. Уже точно доказано, что Гуннар вор и должен ждать, когда ты выйдешь к нему.

— Верно, — согласился Откель. — Скажи ему, что я сейчас приду.

Когда он наконец появился во дворе, его встревожило то, что слуги провели Гуннара в дом и теперь ему придется выпивать с гостем. Но Гуннар не заставил хозяина долго ждать объяснений.

— Сосед Откель, — начал он, — я узнал, что моя жена обокрала тебя с помощью ирландского мальчика. Прошу тебя, поверь, что я ничего не знал об этом, и расскажи людям о том, что я принес тебе извинения.

— Прекрасное предложение, — сказал Скамкель через плечо друга. — Все в округе твои друзья, а не Откеля. Ты все хорошо рассчитал.

— Хорошо, — спокойно произнес Гуннар, но немного покраснел. — Могу я возместить твои убытки в двойном размере?

Скамкель пошептался с Откелем, и тот наконец сказал:

— Это честный поступок — возместить убытки, но я позволил бы сделать это только благородным людям.

— Мне нет дела до твоего советчика. — Гуннар холодно взглянул на Скамкеля. — Но если хочешь, можешь возместить свои убытки сам.

— Ничего подобного! — воскликнул Откель. — Я хотел бы сначала посоветоваться со своими двоюродными братьями Гейром и Гицуром, которые помогут мне довести это дело до суда.

— Если речь идет о суде, — сказал Гуннар, — ты можешь вспомнить, что у меня тоже есть друзья. Ты отказываешься от честного предложения, и если выдвинешь обвинение, то у меня найдутся свидетели, которые в состоянии доказать, что тобой движет только зависть. Не думаю, что тебе от этого будет большая польза.

На следующий год на тинге до того, как дело дошло до председателя, события стали развиваться, как и предсказывал Гуннар. Гейр и Гицур возмутились поведением Откеля и стали настаивать, чтобы спор был решен в пользу Гуннара. Тот открыто изложил факты, и Откелю самому пришлось возмещать потери от пожара да еще заплатить Гуннару за свою клевету. Обвиняемый поменялся местами с обвинителем. Гейр и Гицур требовали от своего родственника, чтобы впредь он не смел мстить. Откель и Скамкель уныло побрели домой, и никто бы уже не вспомнил это дело, если бы не случай.

Убийство

Случилось так, что следующей весной Откель и Скамкель со своими шестью родственниками ехали в гости. Небольшая часть их пути лежала через земли Гуннара. Мужчины скакали рядом, и вдруг конь Откеля чего-то испугался и галопом понесся по пашне.

На другой стороне маленького холма Гуннар косил овес и, низко согнувшись над землей, просеивал зерна через сито. Он услышал стук копыт, но не понял, что кто-то сбился с дороги. Откель же, в свою очередь, не знал, что впереди кто-то есть, когда перемахнул через холм и увидел на своем пути Гуннара. Избежать столк-

новения было уже невозможно. Конь ударил Гуннара в плечо и повалил на землю, а шпора всадника порезала мочку уха и почти оторвала ее.

Откель в смятении остановился, а за ним прискакали его спутники, чтобы посмотреть, что случилось. Гуннар с достоинством встретил их. По его шее текла кровь.

— Сначала ты вызвал меня на суд, — сказал он, — а теперь сбил с ног на моей же земле. Скажи спасибо, что я мирный человек, хотя ты и пролил кровь. Это дает мне право убить тебя в любое время, если ты не принесешь извинения. Предупреждаю на будущее, держись от меня подальше.

— Смотрите, Гуннар дрожит от злости! — выкрикнул Скамкель, встав перед другом, который действительно был смущен происшествием и уже готовился извиниться.

— Действительно отличное зрелище! — воскликнул Откель, поддерживая приятеля.

— Убирайтесь, — сказал Гуннар, — вам повезло, что я не вооружен.

— О, мы уезжаем, сосед! — насмешливо проговорил Скамкель.

Он потянул за собой Откеля, и восемь всадников со смехом удалились.

Гуннар спокойно вернулся домой и перевязал рану. Сначала он не хотел никому ничего рассказывать, но потом решил, что лучше бы о происшествии стало известно во избежание дальнейших неприятностей. Тогда Гуннар обо всем рассказал, и многие возмутились поступком Откеля. Он ранил соседа и даже не извинился.

— Если бы это был кто-то другой, а не Гуннар, — говорили люди, — можно было бы подумать, что он испугался Откеля.

Через несколько недель Гуннар вышел со двора и увидел скачущего к нему галопом пастуха.

— Я видел восемь человек, подъехавших к броду через реку! — выкрикнул мальчик, натягивая поводья рядом с хозяином. — Четверо из них были в ярких одеждах, а другие в неокрашенных домотканых.

— Это Откель и Скамкель возвращаются со своими друзьями, — ответил Гуннар. — Спасибо за предупреждение. Я не забуду твою преданность.

— Это еще не все! — крикнул мальчик. — Скамкель и Откель рассказывают всем, как ранили тебя. По их словам, ты плакал от боли, как девчонка. Скамкель даже сложил песню об этом.

— Ну, это уж слишком! — в ярости воскликнул Гуннар. — Иди отдыхай. Ты выполнил свою работу. А теперь я займусь этим делом.

Гуннар оседлал коня и пошел в дом за оружием. Он взял щит, меч и копье, которое задрожало в его руке. В злобе Гуннар сильно ударил им в стену. Из комнаты вышла его мать.

— Что случилось, сын мой? — спросила она, с тревогой провожая Гуннара до двери.

Он оперся копьём о землю, вскочил на коня и стремительно поскакал вниз по склону холма.

Мать Гуннара вернулась в дом.

— Ты слышал удар копьёя? — спросила она. — Он ускакал с оружием и в доспехах. Боюсь, быть беде.

— Я поскачу за ним, — сказал брат Гуннара Кёльс-легг.

— Пришла пора Гуннару доказать свое мужество, — заявила Халльгерда.

Гуннар спустился к броду, как раз когда Откель со своими спутниками добрались до противоположного берега. Три женщины доили коров у реки. Две из них

встали и увидели, как Гуннар привязал коня к дереву. Третья быстро сообразила, в чем тут дело, и побежала за помощью, чтобы остановить убийство.

Гуннар направился по дорожке, вымощенной плоскими камнями, которая вела к броду.

— Я здесь! — крикнул он Откелю. — Теперь мы проверим, может ли вся ваша компания заставить меня пролить хотя бы одну слезу.

Восемь человек спешили и бросились на Гуннара.

— Стой! — приказал он первому из них. — С тобой я не ссорился, но не пожалею никого, если мне придется сражаться за свою жизнь.

— Я не могу стоять в стороне, когда ты сражаешься насмерть со Скамкелем, — ответил другой и бросил в Гуннара большое копьё.

Удар был таким сильным, что оружие пробило щит. Гуннар яростно отбросил его в сторону и бросился вперед, так размахивая своим мечом, что глаз не мог разглядеть лезвия. Меч пришелся нападавшему по запястью. Человек со стоном повалился на дорогу, под ноги остальным.

Там, где стоял Гуннар, дорога была узкой и земля по обочинам — неровной. Атаковать отсюда было трудно, но Скамкель забежал за спину противнику и поднял топор. Гуннар заметил это маневр, развернулся, поднял копьё и поставил его под удар. Древко отразило удар топора. Тот вылетел из рук нападавшего и упал в реку. Мгновенно выпрямившись, Гуннар вонзил в Скамкеля копьё, поднял врага над землей и бросил на дорогу. Люди оттащили умирающего Скамкеля в сторону. Тогда Аудольв из Эстерлинга бросил свое копьё в Гуннара. Тот поднял руку, поймал его за древко и нанес ответный удар. Острие пробило щит Аудольва и вошло ему в грудь.

Когда Эстерлинг упал, Откель бросился вперед, нагнувшись, чтобы ударить Гуннара по коленям. У Гуннара не было времени отступить, он подпрыгнул и пронзил Откеля копьем сверху.

Позади Гуннара раздался громкий крик. Это его брат налетел словно ветер на одного из врагов.

— Отличный бой, брат! — крикнул Кёльслегг. — Это пятый. Осталось еще трое!

Братья объединились против оставшихся троих врагов, которые были прижаты к реке. В это время женщина, которая убежала за помощью, добралась до двора ближайшего жителя и позвала его. Это был друг Откеля.

— Помоги, сосед Мёрд. Твой родственник Гуннар пришел сражаться с Откелем и его друзьями возле брода.

— Мне наплевать на тех, кто убивает и кого убивают, — мрачно ответил Мёрд, который ненавидел Гуннара и водил дружбу с Откелем и Скамкелем только ему назло. — Пусть дерутся.

Он повернулся спиной к женщине и вошел в дом, оставив ее во дворе.

Она отдышалась, стала выкрикивать проклятия в его адрес и снова звать на помощь. Мёрд закрыл ставни на окнах, чтобы не слышать ее криков. Все его люди в это время находились на работе, и он это прекрасно знал. Женщина чуть не задохнулась от крика, но никто на помощь так и не пришел.

А у брода схватка уже закончилась. Братья вымылись в реке и направились к коням, оставив на поле битвы мертвых. Гуннар вскочил в седло и поскакал домой. Кёльслегг следовал за ним более осторожно.

— Хорошая скачка, брат, — сказал он, когда Гуннар спустился по крутому склону и слез с коня, потому что дорога стала очень каменистой.

— Так сказал Скамкель, когда Откель сбил меня с ног, — тихо ответил Гуннар. — Они смеялись надо мной.

— Счет оплачен, — удовлетворенно сказал Кёльслегг. Гуннар вздохнул.

— Брат, — произнес он, — почему об убийстве я думаю больше остальных?

Когда Гейр и Гицур узнали о гибели Откеля, Скамкеля и их шести друзей у брода, они не стали терять время и сразу обратились в суд. На тинге дело было решено в пользу Гуннара. Месть Откелю и остальным за рану, нанесенную шпорой, и насмешки была признана справедливой. Но все согласились, что Скамкель был ни в чем не виновен. Гуннар и его враги формально примирились, но многие предупреждали его, что они так это дело не оставят.

— Сын Откеля будет мстить, — сказал друг Гуннара. — Твой родственник Мёрд, который ненавидит тебя, окажет ему помощь. Многие поддержат его, поскольку помнят, что твоя жена обокрала Откеля. Тебе лучше жить тихо и избегать врагов, которые завидуют твоему богатству и славе.

— Из-за них я не изменю свои привычки, — возразил Гуннар. — Но если смогу, то буду избегать сына Откеля.

Последняя битва

Только три года спустя сын Откеля в открытую стал выражать свою ненависть к Гуннару. Хотя Гуннар процветал, как прежде, он понимал, что многие родственники убитых им людей хотят, чтобы у него появилось побольше врагов. Говорили, что Гуннара съедает его

собственная гордость, а Халльгерда чересчур заносчива. Мужчины склонны быстро превращать споры в ссоры, и Гуннар, каким бы миролюбивым он ни был, никогда не отступал, когда считал себя правым. Когда сын Откеля решил, что пришло время для мести, ему не составило большого труда собрать единомышленников и организовать заговор.

На этот раз суд приговорил Гуннара к крупному штрафу и трехлетнему изгнанию.

Обвиняемый согласился с решением без единого слова протеста.

— Это правильный приговор, — сказал его управляющий, возвращаясь с ним после суда. — За три года страсти утихнут. А ты и раньше уезжал на такое долгое время.

— Тогда я был моложе, — грустно ответил Гуннар. — Ты присматривал за моим хозяйством, и оно процветало. Сейчас мои сыновья слишком маленькие, чтобы управлять Халльгердой, и горе грозит моим слугам, если она сможет навязать им свою волю.

— Этого можно избежать, — сказал его друг. — Будь уверен, я сделаю все, что в моих силах.

— Я оставлю тебе все необходимые бумаги, — вздохнул Гуннар, — но это очень тяжелая работа.

Он больше не стал обсуждать эту тему и спокойно поскакал домой вместе с Кёльслеггом, который сражался рядом с ним и тоже был приговорен к изгнанию.

Братья спокойно обсудили хозяйственные дела. Гуннар объехал множество отдаленных мыз, повидался с их владельцами и поблагодарил за верную службу. Из каждой поездки он возвращался с тяжелым сердцем, но на следующий день снова отправлялся в путь, потому что у него было много друзей, с которыми он должен был попрощаться перед отъездом.

Наконец наступил день, когда Гуннар отправлялся в изгнание. Его люди вышли во двор. Он на прощание обнялся с каждым, затем резко повернулся, вскочил на коня и не оглядываясь галопом поскакал за Кёльслеггом.

Когда братья грустно ехали вдоль берега реки, конь Гуннара споткнулся и сбросил хозяина. Кёльслегг остановился и тревожно посмотрел на брата. Гуннар медленно поднялся и повернулся к Речному Склону.

— На моих полях зреет урожай, — тихо сказал он. — Сено сохнет на лужайках вокруг моего дома. Скот пасется у маленького ручья, а ивы на его берегах серебрятся в лучах солнца. Всю свою жизнь я любил Речной Склон, но никогда он не казался мне таким далеким. Я никуда не поеду, Кёльслегг.

— Мы должны ехать, — сказал его брат. — В противном случае на тинге следующим летом Гейр и Гицур объявят тебя преступником. Когда тебя можно будет убить, не боясь наказания, твои враги соберутся вместе и нападут.

— Я не поеду, — повторил Гуннар. — У меня большое хозяйство. Слуги меня любят. Никто не посмеет напасть на мой дом. Если же они убьют меня, я, по крайней мере, буду знать, что должен был погибнуть в изгнании, но этого не случилось. Это подсказывает мне сердце, когда я оглядываюсь назад, на свои поля.

— Тогда я должен ехать один, — сказал Кёльслегг, — потому что поклялся сделать это и не нарушу свою клятву. Но, брат, я не уверен, что вернусь, поскольку предчувствую, что ты погибнешь.

Гуннар повернул своего коня обратно, а Кёльслегг поскакал к берегу, но оба ехали медленно, так как знали, что больше никогда не увидятся.

Гейр и Гицур были уважаемыми людьми и не испытывали личной ненависти к Гуннару. Однако, когда Гун-

нар не подчинился приговору, они решили, что должны покончить с враждой навсегда. Они объявили Гуннара нарушителем закона и собрали его врагов, всего сорок человек, которые намеревались напасть на него при первой возможности. Мёрд оказался доносчиком. Как ближайший сосед, он следил за Гуннаром и его приближенными.

Наконец, это было следующей осенью, он сказал, что пришла пора, потому что люди Гуннара разъехались по своим островам. Там накопилось очень много сена, и для его уборки требовались рабочие руки. Гуннар, видимо посчитав себя в безопасности в собственном доме, остался. Он думал, что об этом никто не узнает, но Мёрд все узнал с помощью некоторых слуг.

— Итак, — сказал он, — если убрать сторожевую собаку, можно окружить дом Гуннара и напасть на него.

Незадолго до рассвета банда убийц остановилась на размытой дороге, ведущей в Речной Склон.

— Ступай, Торкелль, — прошептал Мёрд, — схвати собаку и приведи ее сюда. Твоя жизнь зависит от того, залает она или нет.

Торкелль был мелкий землевладелец, который дружил с Гуннаром. Он часто приезжал к нему в гости. Мёрд с сообщниками взяли его с собой, чтобы Торкелль убрал хозяйскую собаку. Он подчинился, опасаясь за свою жизнь, и пошел по дороге, хрипло окликая пса, который спал во дворе:

— Эй, Сэм. Добрый Сэм.

Торкелль услышал рычание собаки и позвал ее снова. Животное потянулось, зевнуло и, узнав друга, пошло ему навстречу. Торкелль попятился, испуганно оглядываясь по сторонам.

Они вышли на дорогу, когда кто-то закашлял. Пес остановился и зарычал.

— Эй, добрый Сэм! — снова сказал Торкелль, ожидая в любую секунду получить удар копьём в спину. Со злобным рыком пес бросился на предателя и вцепился ему в горло.

Торкелль споткнулся и упал, но подбежавший на помощь человек зарубил животное топором. Пес упал на землю со страшным воем. Люди переглянулись.

— Быстро! К дому! — крикнул Гицур. — Если Гуннар слышал вой, он мог убежать.

Дом Гуннара представлял собой большой зал с колоннами. Над залом располагалась мансарда с узкими окнами, где спали Гуннар, его мать и Халльгерда.

Гуннар проснулся от странного воя и сразу понял, что его собака погибла. Он быстро поднялся, взял лук, копьё и встал в ожидании у окна.

Убийцы окружили дом, но держались на расстоянии, чтобы оставаться незамеченными. Они ждали, но все было тихо. Один человек подошел к Мёрду, стоявшему рядом с Гицуром, и прошептал:

— Двери закрыты решетками, но в доме, кажется, пусто. Ты уверен, что Гуннар дома?

— Откуда я знаю? — резко ответил Мёрд. — Может, он передумал и поехал на острова со своими людьми.

— Позволь мне забраться на крышу пристройки, — мягко предложил человек. — Если мне удастся добраться до верхнего окна, я смогу заглянуть внутрь.

Остальные сели на землю, а доброволец осторожно отправился вперед и начал карабкаться на низкую крышу, на которую падала густая тень.

Гуннар услышал приглушенный звук, когда человек добрался до края и ухватился за балку над головой. Красный плащ дюйм за дюймом приближался к окну. Гуннар выбрал время и изо всех сил нанес удар. Человек с тихим всхлипом отпустил балку и рухнул вниз.

Сидевшие на земле, плохо видевшие разведчика в темноте, решили, что он просто потерял равновесие. Они смотрели, как человек поднялся и поковылял обратно к Гицуру.

— Ну, дома Гуннар? — спросил тот.

— Его копье... дома, — выдохнул разведчик. — Остальное выясните... сами.

Он прижал руки к груди и упал на землю. Люди повскакивали с мест, подбежали к нему и в смятении обнаружили, что он мертв.

С яростными криками банда бросилась через двор к дому. Первый почти сразу упал, сраженный стрелой, а двое или трое споткнулись о его тело. Другой нападавший был ранен в плечо, еще один в руку, так что вся группа разбежалась по амбарам и пристройкам, чтобы найти под их крышами укрытие от стрел лучшего стрелка на севере.

Некоторые попытались предпринять второй штурм, даже произвели несколько выстрелов по узким окнам, но обе попытки провалились. Нападавшие не могли добраться даже до стены коридора, где могли скрыться от глаз Гуннара под низкой крышей. Никто не мог послать стрелу точно в узкое окно с такого расстояния. Но как только кто-нибудь из них высовывался из укрытия, его тут же поражал Гуннар.

— Мы должны сжечь дом! — крикнул Мёрд.

— Никогда! — возразил Гикур. — Это трусливый поступок для сорока мужчин, вышедших сражаться против одного.

— Тогда нам не остается ничего другого, как атаковать снова, — заметил Мёрд.

После этого наступила тишина.

— Смотрите! — вдруг крикнул Гикур. — Видите? Рука с золотым кольцом высунулась из окна и подобра-

ла одну из наших стрел на крыше. У него кончаются стрелы, иначе Гуннар никогда бы не вышел из укрытия. Бежим к стене. Ему нечем стрелять.

Мужчины с громкими криками выскочили из сараев и пристроек. На этот раз они добрались до стены и укрылись от стрел, но по-прежнему не могли приблизиться к Гуннару, поскольку защищавшая их крыша скрывала и его. Выйти же на нее означало верную смерть.

— Дайте мне подняться! — крикнул наконец человек по имени Торбранд.

Он прислонил к стене доску, быстро взбежал по ней и оказался на крыше. Левой рукой Торбранд ухватился за стену для равновесия, а правой, в которой был меч, слепо ударил в окно, за которым стоял Гуннар. Тетива на луке Гуннара лопнула. Он бросил бесполезное теперь оружие, схватил копье и пронзил им противника. Тот упал с крыши.

Когда Торбранд упал, его брат Асбранд взбежал по доске и прыгнул на покатую крышу. Гуннар тоже встретил противника копьем, но у того был щит, которым он отразил удар и вцепился в балку. Копье все же пробило щит и попало в грудь Асбранду. Он упал на своего брата, и некоторое время под стеной царила тишина.

Гуннар на мгновение отвернулся от окна и оглядел комнату. Его мать лежала на кровати в углу, а Халльгерда застыла у стены. Гуннар был ранен в руку и бок, но двигался свободно. Стрелы лежали перед ним, а лук с порванной тетивой валялся там, где его бросил хозяин.

— Халльгерда, — произнес Гуннар, подумав даже в этот напряженный момент о красоте ее голубых глаз и длинных локонов, спадавших на колени. — Халльгерда, дай две пряди своих волос и помоги матери сплести из них тетиву.

Пожилая женщина быстро встала с кровати, но Халльгерда смотрела молча и не двигалась.

— От этого что-то зависит? — спросила она.

— От этого зависит моя жизнь, — уверенно ответил Гуннар. — Если я смогу удержать их, то спасусь, но, если они начнут наступать по двое или по трое с крыши, рано или поздно мне придет конец. Их больше тридцати против меня одного.

Халльгерда встала.

— Ты дал мне пощечину перед слугами и гостями, — напомнила она. — Помнишь, как я тебе тогда сказала, что два человека умерли за меньшее оскорбление? Помнишь, я обещала отплатить тебе, даже если придется ждать двадцать лет? Теперь пришло мое время, и я с удовольствием говорю тебе, что мне нет дела, долго ты продержишься против врагов или нет.

— Ты демон! — крикнула пожилая женщина. — Все беды Гуннара начались после твоего воровства в Церковном Дворе.

— Оставь ее, мама, — спокойно сказал Гуннар. — Я мог бы взять волосы, если бы хотел, но у каждого есть своя гордость. У меня тоже. Даже если это необходимо, я не возьму того, в чем мне так решительно отказали.

— Посмотри в окно, сын! — воскликнула его мать.

Три человека показались в оконном проеме. Двое были вооружены копьями, а третий бил топором по раме, чтобы расширить окно. Гуннару нужно было бы отбить остальных, но он повернулся к человеку с топором, который отскочил назад. На его место прыгнули еще трое. На этот раз Гуннар сбросил их, но окно было таким широким, что он не посмел встать около него, словно цель для вражеских стрел.

Гуннар отступил в сторону и ждал, когда на крыше раздадутся шаги. В проеме появился противник. Гуннар

ударил, но человек упал вперед, и копье прошло над ним. Пока Гуннар вытаскивал его, в комнату запрыгнул другой враг, а через мгновение за ним и третий. Гуннар отступил к стене и выхватил меч. Какое-то время он отражал натиск нападавших, но очень скоро их набилось так много, что у защищавшегося уже не было шансов спастись, несмотря на всю его силу и мастерство.

Гуннар погиб как герой.

Мужчины подняли мечи и молча смотрели на убитого.

— Перед нами лежит великий человек, — произнес наконец Гицур. — Слава о его последней битве будет жить до тех пор, пока на этой земле живут люди.

Мать Гуннара не обращала внимания ни на Гицура, ни на остальных. Она повернулась к Халльгерде:

— Убирайся из этого дома. Если ты останешься в Речном Склоне, люди Гуннара, вернувшиеся с островов, убьют тебя, — только и сказала бедная старая женщина.

Халльгерда уехала в тот же вечер, оставив мать скорбеть над телом сына.

Героя похоронили с подобающими почестями. Лунными ночами пастухи и пастушки слышали над высоким могильным холмом веселый голос Гуннара. Каждую ночь слышались его песни. Его друзья и близкие говорили, что Гуннар счастлив в ином мире.

ПАНТЕОН БОГОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Один — отец всего мира, одноглазый небесный бог с длинной седой бородой, в голубом плаще и серых одеждах. Он жил в Асгарде, ездил по облакам на восьминогом коне и со своего престола обозревал весь мир. Два ворона, Мысль и Память, облетали каждое утро землю и, вернувшись, шепотом рассказывали ему обо всем увиденном. Преданные Одину, воинственные девы Валькирии летали над полями битв и приносили души умерших героев в его небесный дворец Вальхаллу (Вальгаллу).

Фригг — жена Одина.

Тор — сын Одина, рыжебородый и голубоглазый, с огромным боевым молотом Мьёлльнифом. Грохот его колесницы, запряженной двумя козлами, вызывал гром.

Ньёрд — бог ветра. Отец Фрейра и Фрейи.

Фрейр — бог плодородия и урожая, властелин эльфов, помогающих зреть зерну и плодам. Золотой вепрь ему служил конем. Также Фрейр имел корабль, который он сворачивал и убирал в карман. А огненный меч и солнечную лошадь он отдал за свою невесту.

Фрейя — богиня любви и красоты. Она носила алмазное ожерелье и ездила в колеснице, запряженной белыми котами.

Герд — жена Фрейра. Дочь великана холода, символ застывшей земли, оттаивающей под лучами солнца.

Идунн — молодая богиня, хозяйка яблок, благодаря которым боги не старели.

Тюр — храбрейший бог, пожертвовавший своей правой рукой, чтобы спасти богов от Фенрира-волка.

ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Хеймдалль — страж богов, живущий возле моста-радуги, соединяющего землю с небесами. Он мог слышать, как растет трава, и видеть сквозь камни.

Бальдр — прекраснейший и самый лучший из богов. Он был убит слепым богом Хёдом с помощью хитрости Локи.

Локи — самый хитроумный из богов. Он был прекрасен, но зол.

Хель — богиня Хель, хозяйка земли мертвых, которая находилась под землей. Эта богиня была полуженщиной-полутрупом. Столом ей служил Голод, Тревога — постелью.

Норны — низшие женские божества, определявшие судьбы людей при рождении и жившие рядом с судным престолом богов возле Фонтана Мудрости.

Великаны — духи холода. Океан омывал со всех сторон землю, а за ней лежала темная и холодная страна великанов.

Дварфы — рудокопы и ремесленники, живущие под землей.

Монстры и демоны — демоны огня обитали между небом и землей. Однажды они перейдут через мост-радугу, чтобы в Судный день вступить в схватку с богами. Фенрир-волк сидит на цепи, но перед концом света вырвется и проглотит Одина, а «волки тьмы» будут преследовать Солнце и Луну. Змей Мира Ёрмунганд кольцами опоясывает землю, лежа на дне океана. В Судный день он попытается убить Тора, но сам погибнет в схватке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая СКАЗАНИЯ О БОГАХ СЕВЕРА

Сотворение мира	9
Котел Хюмира	14
Яблоко Идунн	23
Фенрир-волк	33
Молот Тора	36
Сватовство Герд	42
Тор и король-великан	48
Бальдр прекрасный	59
Наказание Локи	66

Часть вторая ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЁЛЬСУНГОВ

Золото Андвари	70
Победитель дракона	78
Гибель Фафнира	86
Валькирия	91
Две жены	96
Убийство	103
Месть	108

ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Часть третья СКАЗАНИЯ О СЕВЕРНЫХ ГЕРОЯХ

Фенья и Менья	120
Бесконечная битва	123
Песнь о Беовульфе	137
Беовульф и огненный дракон	147
Хагбард и Сигне	151

Часть четвертая ИСТОРИИ ИЗ СЕВЕРНЫХ САГ

<i>История любви. Возлюбленные Хельги</i>	162
<i>История правосудия. Глупый Рой</i>	179
<i>История кровной вражды. Гуннар с Речного Склона</i>	
Халльгерда	191
Воровство	197
Убийство	205
Последняя битва	210
Пантеон богов Северной Европы	220

Оливия Кулидж
ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *И.А. Филатова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.05.2002
Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14
Уч.-изд. л. 10,28. Тираж 7 000 экз. Заказ № 1384

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Легенды Севера

Известная американская писательница Оливия Кулидж приглашает вас совершить увлекательное путешествие в мир древней истории.

Таинственные руны суровых северян поведают вам о славных делах их богов и героев. Вы побываете в сверкающем дворце бога Одина и в ледяных замках злых великанов, в чудесном саду богини молодости Идунн и в мрачном подземном царстве богини Хель. Узнаете о тайне дракона Фафнира и проклятии золотого кольца Нибелунгов. Познакомитесь с гордой и надменной красавицей, которая погубила своего преданного мужа Гуннара, и находчивой дочерью Судьи, спасшей жизнь и имущество Богатого Роя.

Книги Оливии Кулидж — это познавательные рассказы о традициях, быте и верованиях народов Древнего мира.

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ISBN 5-227-01879-0

9 785227 018793

ЦЕНТРОЛИГРАФ®